60 1/3

60 1/3
С 5 25/203
Г 24 3/11

ОРЕНБУРГСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССІЯ.

Вып. II.

---

1) Н. Н. Ардашевъ. «Къ 100-лѣтнему юбилею Оренбургской губерніи.

2) Н. Г. Ивановъ. «О задачахъ, дѣятельности и общественномъ значеніи ученыхъ архивныхъ комиссій.

3) Отчетъ комиссіи за 1895—1896 г.

ОРЕНБУРГЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1897

РАЗРЕШЕНО
ЦЕНЗУРОЮ

Печатано по постановленію Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи.

60 В/3

224 8/11

КЪ 100-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

406889

19

Отъ автора.

Задача мѣстнаго изслѣдователя не въ томъ, чтобы открывать новые и новые факты, что лишь изрѣдка можетъ выпадать на его долю, а въ томъ главнымъ образомъ, чтобы раскрыть содержаніе фактовъ, давно извѣстныхъ... но какъ извѣстныхъ? Бываетъ, скупо, скудно, элементарно!

Между тѣмъ, за сотни и сотни лѣтъ назадъ дошли до насъ прямые свидѣтели этихъ фактовъ,—старинныя архивныя дѣла, полныя подробностей былого.

Эти-то мертвыя архивныя дѣла должны въ рукахъ изыскателя старины заговорить живымъ языкомъ: на мѣстѣ голаго имени вылиться выпуклый портретъ, простая хронологическая дата обратиться въ интересный эпизодъ, и подъ краткой записью событія нарисоваться яркая картина.

Вотъ, напримѣръ, дата 12-го декабря 1796 года и фактъ учрежденія Оренбургской губерніи.

Распоряженіе Правительства о томъ напечатано давно; вы встрѣтите ссылку на указъ въ разныхъ статьяхъ, книгахъ и брошюрахъ; стало общеизвѣст-

нымъ фактомъ, что при Императорѣ Павлѣ такого-то года, мѣсяца и числа, вмѣсто Уфимскаго намѣстничества, учреждена Оренбургская губернія.

Но и только.

Какъ это осуществилось, кѣмъ и скоро-ли, при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, наконецъ, съ какими послѣдствіями? Все это, какъ и многое другое, пока скрыто и таится въ нѣдрахъ архивовъ въ кучахъ столѣтнихъ дѣлъ.

Позвольте здѣсь мнѣ предложить вашему любезному вниманію небольшую мозаику на эту тему,—подобранную и слѣпленную изъ тѣхъ отрывковъ и кусочковъ, какіе могли быть найдены теперь въ архивахъ. Вы не посѣтуете, надѣюсь, если при этомъ я на гладкомъ фонѣ современнаго языка сохраню мѣстами, какъ украшеніе, оригинальные камешки и блестки старинныхъ русскихъ выраженій.

Оренбургъ 100 лѣтъ назадъ.

Ровно 100 лѣтъ тому назадъ Уфимское намѣстничество, въ составъ котораго входили области Уфимская собственно и Оренбургская, было обращено въ Оренбургскую губернію, и Оренбургъ сдѣлался губернскимъ городомъ. [1])

Чтобы яснѣе видѣть, чѣмъ была эта перемѣна для Оренбурга, надо знать, что представлялъ изъ себя нашъ городъ въ то время, вѣкъ тому назадъ.

Прежде всего это былъ очень скромный *малолюдный* городокъ, далеко не напоминающій современна-

го, съ его почти 60 тысячнымъ населеніемъ. Городъ со всею округою, т. е. приблизительно съ нынѣшнимъ Оренбургскимъ уѣздомъ, къ 1797 г. не имѣлъ тогда и круглыхъ 20 тысячъ населенія. [2])

Въ самомъ Оренбургѣ едва насчитывалось въ то время около 5 тысячъ. Это маленькій уѣздный городокъ по нашему времени.

Не походилъ старый Оренбургъ на нынѣшній и по *составу населенія*. Торговаго сословія, купцовъ и мѣщанъ, составляющихъ нынѣ большую половину городского населенія, [3]) тогда была какая нибудь десятая часть. Все остальное приходилось на служилый элементъ, [4]) военныхъ и штатскихъ чиновниковъ, но главнымъ образомъ военныхъ и военныхъ разнаго рода: полковыхъ, артиллерійской и инженерной командъ, губернской роты, казацкаго иррегулярнаго войска, провіантскаго и кригсъ-комисаріатскаго штатовъ, какъ тогда ихъ называли. Въ этомъ отношеніи понятіе объ Оренбургѣ того времени можетъ дать какой нибудь изъ нынѣшнихъ степныхъ городовъ Тургайской области и при томъ не Актюбинскъ или Кустанай, ушедшіе далеко, а лежащій въ глубинѣ степи гор. Иргизъ, въ которомъ купеческое и мѣщанское сословіе составляютъ въ настоящее время какъ разъ почти десятую часть всего населенія, главнымъ образомъ военнаго. [5])

И самый городъ былъ *крѣпостью*, обнесенной валомъ и рвомъ. Крѣпости этой за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ приходилось выдерживать осаду Пугачевскихъ скопищъ. Хотя это и было дѣломъ прошедшимъ, но

и въ эту пору Оренбургъ стоялъ по прежнему пограничнымъ городомъ, на востокъ отъ котораго за рѣкой Ураломъ начиналась степь съ полудикимъ населеніомъ подъ властью полунезависимыхъ въ отношеніи Россіи хановъ. Вслѣдствіе этой пограничности, какъ въ настоящей крѣпости, городскія ворота запирались по пробитіи вечерней зари, на всю ночь вплоть до утренней зари, а у воротъ стоялъ строгій караулъ, такъ что изъ города, напримѣръ, въ казачье предмѣстье въ ночное время никого не пропускали. А если случалось ночью кому пріѣхать въ городъ изъ уѣзда, то у проѣзжающихъ караулъ отбиралъ паспорты и билеты, которые доставлялись на главную гауптвахту а оттуда въ управу Благочинія - на всякій случай. [6])

Тамъ, за р. Ураломъ, гдѣ начиналась киргизская степь, была уже собственно заграница. Туда обращались въ бѣга люди, у которыхъ была почему-либо нечиста совѣсть, подобно тому, какъ нынѣ бѣгутъ за границу въ Западную Европу или въ Америку. Вотъ, напримѣръ, приказчикъ Переяславскаго купца Захряпина, молодецъ 17 лѣтъ, посланный въ Оренбургъ для торговли, когда у него оказался недочетъ по лавкѣ, то чтобы скрыться отъ хозяина, пустился бѣжать въ киргизскую степь. Пойманный разъѣздомъ уже за валомъ, у верхней рогатки, онъ былъ судимъ единственно за побѣгъ, учиненный, какъ было признано, отъ глупости и изъ страха, и наказанъ палками: дано сто лозановъ. Послѣ чего уже былъ отправленъ къ своему хозяину на расправу. [7]) Это было

не то, что нынѣ бѣжать за Уралъ.

Жилось тогда въ Оренбургѣ въ этомъ отношеніи, какъ видно, построже, немного на военномъ положеніи. Такое было время и такіе порядки.

Городъ, какъ видно, былъ не большой по цифрѣ населенія. Онъ занималъ тогда и очень *незначительное пространство* сравнительно съ нынѣшнимъ. Окружность его была 5 верстъ съ небольшимъ, считая по городскому валу. Пройти его вдоль и поперегъ составляло не многимъ болѣе версты. [8])

Все городское строеніе, не считая предмѣстья, заключалось внутри стѣнъ. Всѣхъ домовъ насчитывалось 840. Въ расположеніи ихъ мы видимъ тѣ же главныя улицы, что и нынѣ: Губернская (такъ называлась тогда Большая, или Николаевская улица, въ память бывшей здѣсь ранѣе губерніи), Орская, Гостинная (нынѣ Гостинно-дворская), Петропавловская, Троицкая и другія. [9])

Дома частныхъ лицъ, конечно, были тогда исключительно *деревянные*. Къ 1800 г. одинъ современникъ насчитывалъ во всемъ Оренбургѣ только 4 каменныхъ дома, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. [10]) Въ приведенномъ выше числѣ домовъ считались и землянки, еле видныя отъ земли, «земляныя хижины, на поверхности опой самомалѣйшія, равное наименованіе порядочнымъ домамъ званіями имѣющія», какъ иронизировалъ надъ ними новый Оренбургскій губернаторъ князь Баратаевъ, прибывъ въ Оренбургъ. [11]) Впрочемъ, и теперь Оренбургъ представляетъ любопытные образчики такихъ «земляныхъ хижинъ», и

не нужно даже ходить въ слободку, что бы видѣть ихъ. Въ одной изъ такихъ землянокъ почти обокъ съ Николаевской улицей прожила нѣсколько лѣтъ пресловутая Жакмонъ. А на дворѣ дома Кокушкина по Троицкой улицѣ занимаетъ квартиру семья гармониста въ землянкѣ такого рода: вы видите только яму въ землѣ, это—входъ, да замѣчаете небольшой бугорокъ на поверхности земли, съ окопицей по скату и трубой на верхушкѣ. Въ настоящее время это уже исключеніе, но тогда такихъ земляныхъ хижинъ было въ Оренбургѣ «довольная часть».

Да и деревянные дома того времени были построены иногда изъ такого тонкаго лѣса, что зиму въ нихъ было съ непривычки страшно жить. Такъ, по крайней мѣрѣ, это казалось новопріѣзжимъ уфимцамъ, какъ увидимъ далѣе. Можно тому повѣрить, судя и по нынѣшнему.

Въ числѣ *каменныхъ построекъ* было прежде всего пять каменныхъ церквей, изъ которыхъ два старые собора Введенскій и Вознесенскій сохранились и до нынѣ. [12]) Остальныя же каменныя строенія были главнымъ образомъ казенныя какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства. Обстроиться Оренбургу такими зданіями помогла особая «Контора строеній», учрежденная Правительствомъ въ Оренбургѣ еще въ 1740 г. (т. е. когда, до перенесенія города въ 1743 г. на нынѣшнее мѣсто, онъ находился съ 1735 г. на мѣстѣ нынѣшняго Орска). Контора эта располагала огромной даровой рабочей силой въ видѣ «преступниковъ», ссылаемыхъ туда изъ разныхъ мѣстъ, какъ

нынѣ ссылають въ Сибирь, которыхъ бывало числомъ до 3000 человѣкъ. [13])

Не считая громаднаго сооруженія, мѣноваго двора за Ураломъ, въ Оренбургѣ были выстроены тогда каменные: гостинный дворъ, полковыя казармы, гауптвахта, цейхгаузъ, артиллерійскій дворъ, госпиталь и аптека, домъ инженерной команды, кордегардія и прочія зданія военнаго вѣдомства, а изъ гражданскихъ: губернаторскій домъ, губернская канцелярія, почтовый дворъ, дворъ строенной конторы, губернскій магистратъ, корпусъ соляпаго правленія и проч. [14]) Рычковъ въ свое время, въ 60 годахъ прошлаго стол., не мало восторгался этими оренбургскими строеніями. Про зданіе губернской канцеляріи, двухъ этажное, онъ писалъ, что едвали гдѣ въ прочихъ губерніяхъ найдется лучшее для такого, разумѣется канцелярскаго, учрежденія. Губернаторскій домъ, состоявшій при немъ пока изъ 2 флигилей съ 20 покоями, по его мнѣнію, если бы могъ быть достроенъ весь по назначенному плану и фасаду, долженъ былъ стать между лучшими строеніями, находящимися въ императорскихъ резиденціяхъ. Гостинный дворъ поражалъ его своими размѣрами, во 100 саж. слишкомъ въ длину и безъ малаго 100 саж. въ ширину. О мѣновомъ дворѣ онъ съ гордостью заявлялъ что, «въ разсужденіи пространства и хорошества,» едва-ли внутри всего государства имѣется гдѣ столь великое зданіе для купечества. [15]) Надо замѣтить, что каменныя зданія въ то время покрывались обыкновенно деревянными крышами, за небольшими исключеніями, какъ мѣновой и гостин-

ный дворы, крытые желѣзомъ, и зданіе плавильни, въ которой къ 1796 г. находился архивъ, покрытое черепицей. [16])

Но эти каменныя строенія къ концу XVIII ст., какъ увидимъ, были далеко не въ блестящемъ положеніи. Строительная дѣятельность «Конторы строепій» къ 1776 г. пріостановилась, даровые [17]) рабочіе изъ ссыльныхъ перестали присылаться туда. Старыя зданія поэтому оставались къ концу XVIII ст., за отсутствіемъ ремонта, запущенными. Деревянные дома, горѣвшіе всегда по немногу, къ этому времени были истреблены пожаромъ въ очень большомъ числѣ. Какъ извѣстно, въ большой пожаръ 1786 г. Оренбургъ потерялъ 340 домовъ. И послѣ этого пожара долго не могъ городъ обстроиться. Такъ, къ 1800 г. оставалось въ городѣ много *пустырей*, незастроенныхъ съ 1786 г. Во время этого пожара пострадали и нѣкоторые каменные дома, на которые пожаръ легко переходилъ, благодаря деревяннымъ крышамъ. [18])

Таковъ былъ 100 лѣтъ тому назадъ Оренбургъ. Надо думать, не особенно веселую картину представлялъ онъ, если еще принять во вниманіе отсутствіе внутри его зелени, имѣющей, какъ извѣстно, очень недавнее происхожденіе.

Въ административномъ отношеніи Оренбургъ того времени находился въ упадкѣ. Только зданія губернаторскаго дома и губернской канцеляріи напоминали, что нѣкогда онъ былъ губернскимъ центромъ. Онъ не постепенно выросталъ въ губернскій городъ, какъ другіе города, а помпилъ себя такимъ

почти съ самого своего основанія, съ 1744 года. И только не задолго передъ этимъ съ 1781 года, съ образованіемъ Уфимскаго намѣстничества, онъ лишился своего значенія. Оренбургская область вошла въ составъ Уфимской губерніи. Губернская администрація съ бывшимъ Оренбургскимъ губернаторомъ Якоби, назначеннымъ Уфимскимъ намѣстникомъ, Казенная палата съ Губернскимъ казначействомъ, оба департамента Палаты уголовнаго и гражданскаго суда перешли въ Уфу. Въ Оренбургѣ остались только оберъ-комендантъ и городничій, губернскій прокуроръ, Верхній земскій судъ, Областное казначейство и Губернскій магистратъ. [19])

А мы знаемъ, какъ административное положеніе, занимаемое городомъ, отражается на всѣхъ сторонахъ его жизни, до экономической включительно, и придастъ ему ту или иную физіономію.

Поэтому можно сказать, не рискуя преувеличеніемъ, что Оренбургъ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія былъ блѣдной тѣнью того, которымъ увлекался нашъ мѣстный патріотъ и лѣтописецъ Рычковъ.

Перемѣщеніе учрежденій.

Въ Оренбургѣ теперь, съ 1796 г., должны были сосредочиться два управленія, гражданское и военное, съ двумя губернаторами во главѣ, гражданскимъ губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ, которому принадлежало высшее начальствованіе въ краѣ. Кромѣ того, за время Уфимскаго намѣстничества возникли тамъ и новыя учрежденія, какъ Приказъ общественнаго призрѣнія (1787 г.), Магометанское

духовное собраніе (1782 г.), а также новыя учебныя заведенія, какъ Главное народное училище (1789 г.), появленіе которыхъ въ Оренбургѣ должно было считаться новостью. [20])

12 декабря состоялся только указъ о перемѣнѣ. Какъ-же шло его исполненіе?

Первымъ устроилось въ Оренбургѣ *военное управленіе.* На слѣдующій-же мѣсяцъ послѣ изданія указа 12 декабря, т. е. въ январѣ 1797 г, прибылъ въ Оренбургъ военный губернаторъ генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ и вступилъ въ отправленіе своей должности. По долгу военнаго губернатора онъ принялъ подъ свое непосредственное начальство въ Оренбургѣ: Комендантское управленіе, Пограничную экспедицію и Пограничный судъ, Колодничью контору въ Оренбургѣ, по линіи и внутри губерніи — всѣ крѣпости и гарнизоны.[21])

Оренбургскимъ губернаторомъ былъ назначенъ бывшій вице-губернаторъ Уфимскаго намѣстничества кн. Баратаевъ. [22]) Въ Уфимскомъ намѣстничествѣ указъ 12 января 1797 г. былъ полученъ въ началѣ января слѣдующаго 1797 г. Вслѣдъ затѣмъ были присланы при сенатскомъ указѣ отъ 15 января 1797 г. и Высочайше утвержденные 31 декабря 1796 г. штаты Оренбургской губерніи для скорѣйшаго ихъ введенія. Первымъ долгомъ въ засѣданіи Намѣстническаго правленія 17 февраля, по предложенію губернатора кн. Баратаева, было во исполненіе указа, резолюціею заключено:

---

*) См. № 51 Оренб. Губ. Вѣдом,

«впредь Уфимскому намѣстническому правленію именоваться *Оренбургскимъ губернскимъ правленіемъ*». Копіи-же съ этого указа, для свѣдѣнія и исполненія, были разосланы 24 февраля по всему Уфимскому намѣстничеству и прежде всего въ Казенную палату, въ Палату для суда и расправы въ Приказъ общественнаго призрѣнія и во всѣ другія мѣста, какъ сохраняемыя новыми штатами, такъ и упраздняемыя впредь.

Только тутъ неожиданно возникъ вопросъ, хотя весьма существенный, но однако непредусмотрѣнный, какъ нерѣдко бываетъ при исполненіи общихъ распоряженій. Гдѣ-же именно быть *мѣстопребыванію новой губерніи* съ присутственными мѣстами? въ Уфѣ или въ Оренбургѣ? Ни въ именномъ, ни въ сенатскомъ указахъ о томъ не было сказано. Губернаторъ кн. Баратаевъ первый возбудилъ этотъ вопросъ въ засѣданіи Губернскаго правленія.

Вслѣдствіе его донесенія о томъ Сенату, 13 марта состоялся именной указъ, чтобъ быть губернскимъ городомъ Оренбургской губерніи гор. Оренбургу, бывшему до того областнымъ городомъ. Объявлено это было сенатскимъ указомъ отъ 26 марта.

Въ Уфѣ указъ былъ полученъ въ губернскомъ правленіи 28 апрѣля.

Но еще до полученія этого разъясненія, по справкѣ, сдѣланной въ Губернскомъ правленіи на всякій случай, оказалось, что казенныя зданія, въ которыхъ помѣщались присутственныя мѣста гор. Оренбурга, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ были приз-

ланы ветхими, а бывшимъ Уфимскимъ губернаторомъ Неутлингомъ въ 1794 г. и генералъ-губернаторомъ Уфимскаго намѣстничества Вязьмитиновымъ въ ноябрѣ 1796 г. испрашивались въ особыхъ смѣтахъ суммы на ремонтъ. Въ дополненіе къ тому кн. Баратаевымъ было предписано 6 февраля Оренбургскому городничему осмотрѣть вмѣстѣ съ архитекторомъ тѣ зданія и представить имъ планы со смѣтами на ремонтъ. А въ своемъ донесеніи Сенату отъ 25 февраля онъ просилъ о необходимомъ отпускѣ суммъ на поправку казенныхъ зданій для того, чтобы не прежде перейти въ нихъ, чѣмъ они будутъ исправлены Одновременно онъ просилъ и объ ассигнованіи суммы на перевозку казеннаго имущества и дѣлъ, не представляя пока, за неизвѣстностью, какого-либо разсчета, но полагая на то потребнымъ «знатную сумму».

Когда окончательно выяснился вопросъ о резиденціи, Губернское правленіе затребовало отъ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣній о числѣ нужныхъ подъ дѣла подводъ, разныхъ укупорочныхъ матеріаловъ, какъ-то: веревокъ, рогожъ и т. п. Оказалось нужно для того 256 подводъ, болѣе 500 рогожъ и веревокъ свыше 1000 саженъ, кромѣ того сургучь на печатаніе тюковъ, ящики для укладки царскаго портрета, стѣнныхъ часовъ и прочее. Наличныхъ суммъ на непредвидѣнныя надобности, по справкѣ въ Казенной палатѣ, оказалось, по росписанію экспедеціи о государственныхъ доходахъ, 2000 рублей.

Не дожидаясь отвѣта изъ Сената на февральское донесеніе, въ маѣ, не смотря на то, что время къ

отправкѣ, за разлитіемъ водъ рр. Бѣлой и Сакмары, было несовершенно еще «способно», всетаки кн. Баратаевъ призналъ нужнымъ приступить къ отправкѣ дѣлъ, чтобы не проходило напрасно время.

Первая отправка назначена была изъ Уфы 15-го мая, а за тѣмъ чрезъ каждые 3 дня должна была слѣдовать новая партія, каждая въ 30 подводъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ послѣдній транспортъ.

При обсужденіи еще въ Уфѣ вопроса о будущемъ устройствѣ, рѣшено было, по прибытіи въ Оренбургъ, занять тамъ подъ перемѣщаемыя учрежденія слѣдующія зданія: 1) для Губернскаго правленія и Приказа общественнаго призрѣнія — двухъ-этажное зданіе бывшей Губернской канцеляріи; 2) для Казенной палаты и для Магометанскаго духовнаго собранія тѣ покои, въ которыхъ прежде помѣщался Пограничный или, какъ тогда писали, заграничный судъ, Губернскій магистратъ, Нижній земскій судъ и Винная контора. Для очищенія-же въ нихъ мѣста, Нижній земскій судъ предполагалось отсюда перевести въ одинъ флигиль съ Губернскимъ правленіемъ и помѣстить въ нижнемъ этажѣ зданія на одной половинѣ съ Областнымъ уѣзднымъ казначействомъ.

Городовому магистрату, какъ учрежденію собственно купеческаго или мѣщанскаго сословія, за неимѣніемъ казенныхъ зданій, рѣшено было предложить нанять или купить частный домъ; Винную же контору помѣстить откупщику въ свой домъ; 3) Палатѣ

суда и расправы помѣститься въ корпусѣ, гдѣ было Соляное правленіе, 4) для гг. же гражданскаго губернатора и вице-губернатора занять старый бывшій губернаторскій домъ.

О такомъ предположеніи было донесено Сенату отъ 13 мая. Къ донесенію прилагались и 8 смѣтъ, составленныя Оренбургскимъ архитекторомъ Мусатовымъ и полученныя отъ Оренбургскаго городничаго. Эти смѣты краснорѣчиво говорятъ о состояніи тогдашнихъ казенныхъ зданій города Оренбурга. На ремонтъ ихъ требовалось до 132/т. кирпича, 11.500 досокъ и 2.100 бревенъ разныхъ сортовъ, до 9 вер. толщиною.

Въ виду ожидаемаго переѣзда изъ Уфы, тогда же сдѣланы были всѣ *подготовительныя распоряженія* въ обезпеченіе перевозки массы дѣлъ разныхъ учрежденій. Во 1-хъ, Уфимскому городничему предписано было нарядить подводы отъ города до перевоза и приготовить на перевозѣ всѣ, какія есть, паромы и большія лодки для переправы черезъ Бѣлую до с. Чесноковки, въ которое и отправить 3-хъ солдатъ изъ мѣстной штатной команды при капралѣ, для караула дѣлъ въ ночное время, возложивъ въ тоже время на Земскій судъ, путемъ командировки туда засѣдателя, отводъ подъ дѣла въ селѣ Чесноковкѣ безопасныхъ отъ пожара и отъ дождя обывательскихъ амбаровъ или чистыхъ сараевъ; во 2-хъ, Нижнимъ земскимъ судамъ Уфимскому, Стерлитамакскому и Оренбургскому указано на станціяхъ по тракту отъ Уфы до Оренбурга выставить по наряду отъ мѣст-

ныхъ жителей по 30 подводъ, начавъ по Уфимскому уѣзду съ 15 числа, Стерлитамакскому 16 и Оренбургскому 17 числа, и возобновляя ихъ чрезъ каждыя 3 дня до окончанія перевозки. Конечно, эти земскіе суды должны были озаботиться исправленіемъ мостовъ и устройствомъ перевозовъ, чтобы транспортамъ нигдѣ не было задержки и остановки; въ 3-хъ, городничимъ тѣхъ же уѣздовъ было предписано выставить па каждую станцію для охраны по одному солдату изъ мѣстныхъ штатныхъ командъ; въ 4-хъ, Казенной палатѣ было написано объ отпускѣ денегъ отправляющимся учрежденіямъ на покупку разныхъ укупорочныхъ матеріаловъ и, въ 5-хъ, Оренбургскому городничему было велѣно приготовить помѣщенія къ прибытію новыхъ учрежденій и лицъ.

Возникъ еще вопросъ относительно содержащихся въ острогѣ преступниковъ. Какъ съ ними быть? Рѣшено было предоставить Палатѣ суда и расправы разобраться въ томъ, кого изъ нихъ взять въ Оренбургъ и кого оставить въ Уфѣ.

Съ Рабочимъ домомъ не знали какъ быть. Отложивъ рѣшеніе до справки съ законами, распорядились оставить пока находившихся въ нихъ преступниковъ, а вновь уже болѣе туда никого не принимать.

Отправка начата была въ такомъ порядкѣ: сначала Губернское Правленіе вмѣстѣ съ Приказомъ общественнаго призрѣнія, потомъ Палата суда и расправы съ обоими ея департаментами, за нею Казенная палата съ Губернскимъ казначействомъ, наконецъ и Духовное магометанское собраніе. Дѣла слѣдовали

въ сопровожденіи приказныхъ служителей, а для наилучшаго смотрѣнія за ними въ пути отрядились по одному изъ членовъ этихъ учрежденій.

Неизвѣстно, когда собственно началась отправка дѣлъ, только первый транспортъ Губернскаго правленія прибылъ въ Оренбургъ 2 іюня, а Палата суда и расправы 3 іюня. Казенная [illegible] 9 числа, судя по донесенію въ Сенатъ, еще находилась въ пути. Къ іюню во всякомъ случаѣ было все кончено. Первоначально предположенный порядокъ отправки, какъ видно, почему то перепутался. [23])

Всего было отправлено 11 транспортовъ. Считая по 30 подводъ въ транспортѣ, каждой станціи пришлось выставить по 330 подводъ, а не 256, какъ предполагалось. Съ 14 же станцій сошло всего подводъ 4620.

Эта перевозка дѣлъ сопровождалась, между прочимъ, слѣдующимъ *инцидентомъ*.

Оренбургскій губернскій прокуроръ Княжевичъ протестовалъ противъ распоряженій губернатора кн. Баратаева. Онъ еще въ Уфѣ докладывалъ о томъ губернатору, при чемъ ссылался на недавній Высочайшій указъ (1 сентября 1780 г.), которымъ подтверждалось вновь, чтобы, согласно прежнимъ указамъ, никакихъ новыхъ нарядовъ и поборовъ съ населенія ни для какихъ надобностей не производить, безъ высочайшаго на то дозволенія, а всякія дѣла исправлять по добровольному найму. Между тѣмъ, отправка дѣлъ, по распоряженію его, губернатора, производилась по принудительному наряду, безъ всякаго воз-

награжденія. При этомъ населеніе ближайшихъ деревень по уфимско-оренбургскому тракту должно было выставлять это немалое количество подводъ съ исправными повозками, каждая съ проводникомъ, и безъ всякой заплаты, какъ разъ въ рабочую пору, когда былъ посѣвъ яроваго хлѣба, что оказывалось крайне тягостнымъ для обывателей.

Губернаторъ, кн. Баратаевъ въ свою очередь, сослался на послѣдній высочайшій указъ (22 декабря 1796 г.), которымъ, для безотлагательнаго и повсемѣстнаго исполненія царской воли по введенію перемѣнъ въ губерніяхъ, положенъ былъ крайній срокъ: къ 1 мая 1897 г. всѣ разсчеты, включая разборку дѣлъ въ упраздненныхъ мѣстахъ и сдачу ихъ въ наличныя учрежденія, все должно было закончиться. И онъ, губернаторъ, прежде всего обязанъ спѣшить исполненіемъ этой воли, чтобы самому съ Губернскимъ правленіемъ и со всѣми судебными мѣстами перемѣститься въ Оренбургъ. А такъ какъ не отпущено на перевозку никакихъ суммъ, то онъ не имѣетъ никакого другого способа къ переѣзду, о чемъ доноситъ и Сенату.

Прокуроръ Княжевичъ въ свою очередь донесъ о томъ (20 мая) генералъ-прокурору.

По донесенію губернатора, Сенатъ, указомъ 16 декабря 1797 г., потребовалъ объясненія: по какимъ обстоятельствамъ Губернское правленіе приступило къ наряду на перевозку дѣлъ изъ Уфы въ Оренбургъ обывательскихъ подводъ, безъ всякаго имъ платежа, съ столь великимъ числомъ лошадей и людей. Кромѣ

того Сенатъ требовалъ представить разсчетъ, по какому слѣдовало-бы произвести уплату за взятыя подводы.

По полученіи этого указа, въ февралѣ слѣдующаго 1798 г., Оренбургскій губернаторъ въ своемъ донесеніи Сенату объяснилъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о нарядѣ подводъ подъ учрежденія, въ чаяніи, что на перевозку казеннаго имущества и дѣлъ Сенатомъ будетъ ассигнована особая сумма; оставаться же въ Уфѣ до разрѣшенія этого Сенатомъ, онъ смѣлости не имѣлъ. Стоимость подводъ числомъ 330, считая по 1 копѣйкѣ съ лошади и версты, при 333 верстахъ разстоянія между Уфой и Оренбургомъ, была исчислена въ 1098 р. 90 копѣекъ.

Сенатъ, по разсмотрѣніи дѣла, распоряженіе Оренбургскаго губернатора о такомъ нарядѣ подводъ одобрилъ, какъ сдѣланное для экстренной перевозки присутственныхъ мѣстъ, а обывателей, если бы они потребовали платы, предписалъ удовлетворить, по разсчету, изъ особой суммы, ассигнованной для Оренбургской губерніи ранѣе, по высочайшему указу 14 февраля 1797 г., на починку строенія и другіе чрезвычайные расходы.

Неизвѣстно, какъ было исполнено это предписаніе. Дѣло было во всякомъ случаѣ давнее: сенатскій указъ былъ полученъ уже въ 1801 г., т. е. спустя четыре года послѣ перевозки учрежденій. Едва ли сами обыватели стали предъявлять свои требованія. Наконецъ, сумма, указанная сенатомъ въ качествѣ источника на покрытіе и этого, неимѣвшагося

въ виду расхода, какъ увидимъ далѣе, была слишкомъ незначительна сравнительно съ тѣми текущими потребностями, которыя она должна была покрывать. [24])

Можно поэтому опасаться, что все ограничилось вышеприведенной перепиской.

Оренбургское новоселье.

Ко времени прибытія дѣлъ въ Оренбургъ личный составъ учрежденій находился уже на мѣстѣ, такъ что оказалось возможнымъ на слѣдующій же день вступить въ отправленіе дѣлъ Губернскаго правленія 3-го, а Палаты суда и расправы 4-го іюня. Только при размѣщеніи учрежденій пришлось отказаться на мѣстѣ отъ уфимскаго плана. Какъ и слѣдовало ожидать, одного торопливаго предписанія оренбургскому городничему о *приготовленіи помѣщеній* къ пріему тамъ, гдѣ требовалось на ремонтъ десятки тысячъ руб., оказалось недостаточно. Губернаторъ, по своемъ прибытіи, скоро убѣдился, насколько эти зданія отъ давновременнаго построенія, сухости и гнилости были не прочны и совершенно негодны къ употребленію, такъ какъ мѣстами уже приходили въ развалины и угрожали паденіемъ. Кое-какъ годными признаны были только два строенія: прежней Губернской канцеляріи и бывшій губернаторскій домъ. Первое пришлось отдать подъ Палату суда и расправы, а въ послѣднемъ, предназначенномъ губернатору и вице-губернатору, расположить также Губернское правленіе и Приказъ общественнаго призрѣнія, вмѣстѣ съ дѣлами губернскаго прокурора, при довольной тѣс-

потѣ, конечно. А для Казенной палаты ничего не оставалось, какъ только приторговать въ наемъ какой либо изъ обывательскихъ домовъ. Найденъ былъ для нея одинъ деревянный домъ; но оказалось, что въ немъ по тѣснотѣ нельзя было ни расположить всѣхъ дѣлъ, ни устроить засѣданія по экспедиціямъ. Пришлось прихватить и другой домъ на томъ же дворѣ. Въ одномъ изъ нихъ помѣстилась Палата съ экспедиціями: ревизской, губернскаго казначея, счетной и рекрутскимъ присутствіемъ; въ другомъ была устроена камерная часть. Плата за эти два дома, несмотря на «усильнѣйшій торгъ», достигала 25 р. въ мѣсяцъ, что по тому времени было принимаемо за очень большую сумму (равняются нынѣшнимъ 75 р.).

Но бѣда была въ томъ, что хозяинъ на отдачу домовъ, безъ полученія денегъ, никакъ не соглашался; а денегъ выдавать было нельзя, до особаго ассигнованія на этотъ предметъ. Поэтому губернаторъ князь Баратаевъ, чтобы не было остановки въ дѣлахъ Палаты, распорядился своею властью покрыть этотъ расходъ изъ той же экстраординарной суммы въ 2 т. рублей, о чемъ и доносилъ Сенату отъ 14 іюля, на ряду съ другими затрудненіями, встрѣченными при устройствѣ присутственныхъ мѣстъ въ Оренбургѣ.

Подошелъ уже сентябрь, а изъ Петербурга не было никакого отвѣта на рядъ донесеній губернатора князя Баратаева. Между тѣмъ, къ нему приступали съ жалобами и Палата суда и расправы и Казенная палата. Первая описывала не только тѣсноту помѣще-

нія въ зданіи бывшей Губернской канцеляріи, но и такого рода ветхости, какъ сгнившіе въ нѣкоторыхъ палатахъ и нагнувшіеся, а въ другихъ и висящіе потолки и полы, угрожавшіе паденіемъ, и просила о прибавкѣ новыхъ покоевъ и о починкѣ занимаемыхъ ею. Казенная палата, не говоря о величайшей тѣснотѣ, препятствовавшей расположиться съ дѣлами надлежащимъ образомъ, обращала вниманіе на опасность деревяннаго строенія, въ отношеніи пожара, особенно для своего архива, а также и на невозможность въ зимнее морозное время имѣть засѣданія, вслѣдствіе крайней легкости постройки, сдѣланной изъ самаго тонкаго лѣса. Какъ на выходъ изъ такого положенія Палата указывала на какое-то казенное строеніе, именуемое «Диванъ», стоявшее тогда въ полуразрушенномъ видѣ, съ провалившимися полами и потолками и совершенно безъ признаковъ крыши, на поправку чего, по ея разсчету, нужно было до 1200 рублей. Въ настоящемъ же своемъ помѣщеніи Палата не предполагала и возможности къ надлежащему расположенію своихъ дѣлъ и признавала немыслимымъ придти къ желанныхъ успѣхамъ въ ихъ производствѣ. [25])

Но отвѣта изъ Петербурга не было и не было, приходилось мириться со всѣми этими невозможными неудобствами оренбургскаго новоселья.

Въ такомъ же худомъ состояніи были и тѣ казенныя строенія, какія находились въ вѣдомствѣ военнаго управленія, какъ-то: казармы оренбургскаго баталіона, кордегардіи и другія мелкія строенія, мѣно-

вой дворъ, гостиный дворъ. Иныя изъ нихъ обветшали отъ времени, какъ давно построенныя, другія приходили въ разрушеніе послѣ пожаровъ. Вслѣдствіе отсутствія рабочихъ рукъ, съ прекращеніемъ ссылки въ Оренбургъ преступниковъ (въ 1776 г.), и по причинѣ дороговизны матеріаловъ, этимъ зданіямъ не производилось никакого ремонта, и нѣкоторыя изъ нихъ пришли въ такое состояніе, что угрожали паденіемъ.

Поэтому часть ихъ немипуемо требовала самаго скораго исправленія, часть же полной перестройки до основанія.

О перестройкѣ и мѣнового двора уже нѣсколько лѣтъ назадъ возбуждала ходатайство Оренбургская таможня, еще въ 1771 г., чрезъ Уфимскую казенную палату уфимскаго намѣстничества; но безъ результата.

Поэтому преемникъ Игельстрома, оренбургскій военный губернаторъ, генералъ-майоръ Н. Н. Бахметевъ вошелъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ съ ходатайствомъ о необходимомъ ремонтѣ и перестройкахъ вышеупомянутыхъ зданій. Въ немъ онъ доносилъ, что на все поновленіе, по сдѣланнымъ исчисленіямъ, потребуется отъ казны до 369.000 руб. Объясняя громадность цифры возвышеніемъ цѣнъ на всѣ матеріалы, онъ, однако, находилъ, что эти цѣны зависятъ не отъ отсутствія матеріаловъ въ таможнихъ мѣстахъ, но единственно по неимѣнію рабочихъ рукъ, такъ какъ не только Оренбургъ, но и вся Оренбургская губернія имѣла болѣе военнаго населенія, ка-

заковъ, башкирцевъ, мещеряковъ, чѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ и другихъ податныхъ сословій. Поэтому онъ находилъ наилучшимъ возвратиться къ прежнему порядку, и просилъ пересылку преступниковъ снова обратить на Оренбургъ и въ неменьшемъ противъ прежняго количествѣ, т. е. 3-хъ тысячъ. [26])

Ходатайство Бахметева, какъ увидимъ далѣе, пошло быстро. Но это было въ 1799 году, а пока идетъ рѣчь о 1797 годѣ.

Какъ же устроились и зажили въ Оренбургѣ на новомъ мѣстѣ чиновные и не чиновные переселенцы изъ Уфы?

Я лично помню Уфу, какою она была до проведенія чрезъ нее желѣзной дороги. Не знаю, какъ теперь, но тогда этотъ утопающій въ зелени обильный, благодатный уголокъ поражалъ дешевизною жизни. Оказывается и тогда, 100 лѣтъ назадъ, жители Уфы, какъ города, окруженнаго земледѣльческимъ населеніемъ, въ которомъ потому хлѣбные и съѣстные припасы продавались въ обильномъ количествѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ, были поражены оренбургскою *дороговизною припасовъ*. За отсутствіемъ развитія земледѣлія въ губерніи, хлѣбъ, напримѣръ, продавался въ Оренбургѣ по цѣнѣ отъ 90 к. и до рубля за пудъ. Въ переводѣ тогдашнихъ ассигнацій на нынѣшнее серебро, это, принимая во вниманіе рыночную стоимость денегъ, составляетъ до 3 руб. за пудъ хлѣба! Послѣ Уфы, изобилующей въ окрестностяхъ лѣсами, и обильно снабжаемой лѣсными матеріалами, которые пригоняли башкиры сплавомъ по рѣкамъ Уфѣ

и Бѣлой, цѣна на дрова въ Оренбургѣ, лишенномъ лѣса, «къ строенію и согрѣнію годнаго», имъ казалась необычайной и почти неслыханной. Въ самомъ дѣлѣ, платили тогда отъ 8 до 10 руб. за сажень трехполѣнныхъ дровъ, т. е. по нашему отъ 8 до 10 р. за однополѣнную сажень и за самый умѣренный возъ прутняка-таловника по рублю и болѣе, т. е. около 3 руб. въ переводѣ на современныя деньги.

Въ связи съ дороговизной лѣса, а также отъ недостатка въ строеніяхъ послѣ опустошительныхъ пожаровъ, и квартиры отличались неслыханно превосходной цѣной. Такъ, приказные служители «самобѣднѣйшіе» платили за квартиры, безъ отопленія, отъ 3 до 4 руб. и болѣе въ мѣсяцъ, тогда какъ они получали оклады всего отъ 40 до 80 руб. въ годъ. Поэтому многимъ изъ нихъ приходилось подыскивать квартиры въ форштадтѣ съ большими неудобствами. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ поздняго выхода отъ должности, они находили городскія ворота запертыми и, непропускаемые карауломъ, должны были оставаться въ городѣ безвыходно и безъ пищи. А, между тѣмъ, многіе изъ нихъ имѣли когда-то въ Уфѣ свои дома, въ которыхъ жили хозяевами и даже получали отъ нихъ выгоды, при спѣшности же переѣзда въ Оренбургъ, продали ихъ за дешево, иные, за отсутствіемъ покупателей, принуждены были «покинуть ихъ безъ призрѣнія».

Къ этому надо прибавить еще *дороговизну рабочихъ рукъ, прислуги*. Неизвѣстно, что стоила тогда женская прислуга; но только Казенная палата на штатный окладъ въ 30 р. годовыхъ не могла найти

ци одного сторожа, такъ какъ всѣ нанимавшіяся лица требовали отъ 70 до 80 р., и то безъ рубки дровъ, а единственно за топку и чистоту комнатъ, такъ что Палата ни кого не имѣла, кромѣ единственнаго вахмистра, почти «усильно» удерживаемаго ею на мѣстѣ. Палата по этому обратилась съ просьбой къ губернатору о прикомандированіи къ ней вахмистровъ и служителей въ нужномъ числѣ изъ состоящихъ въ его вѣдомствѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Когда губернаторъ, за силою предписанія военной коллегіи, не согласился на это, то палата просила его хотя бы приставить снаружи караулъ изъ воинскихъ чиновъ для охраны въ ночное время. Таковы были невзгоды Оренбурскаго новоселья.

Между тѣмъ выгодъ съ этимъ переводомъ никакихъ не представлялось. Наоборотъ, вмѣсто отпускавшихся на учрежденіе уфимскаго намѣстничества 10 т. р., по вновь изданнымъ штатамъ Оренбургской губерніи полагалось всего 6980 р., на 3020 р. менѣе. Да кромѣ того послѣ изданія штата, по именному указу отъ 18 февраля 1797 г., на вновь учреждаемую при казенной палатѣ камерную часть положено было отчислить $^1/_6$ часть изъ той же штатной суммы. А въ палатѣ суда и расправы, вслѣдствіе уничтоженія среднихъ присутственныхъ мѣстъ, прибыло дѣлъ, которыя наоборотъ требовали бы усиленія личнаго состава.

При такомъ положеніи дѣла и казенная палата и палата суда и раправы непосредственно писали въ Петербургъ въ Сенатъ и государственному каз-

начею барону Васильеву о безвыходности своего положенія и осаждали губернатора заявленіями о всѣхъ своихъ нуждахъ и просили объ ихъ удовлетвореніи.

Указывая на состояніе приказныхъ служителей, «въ жалость обращаемое», «нисходя на человѣчество», обѣ палаты признавали необходимымъ увеличеніе имъ жалованья, котораго, по настоящимъ условіямъ, имъ хватало бы развѣ на полгода, также объ отводѣ имъ, а буде можно, то и присутствующимъ казенныхъ квартиръ. Палата суда и расправы кромѣ того находила необходимымъ увеличеніе числа канцелярскихъ служителей, вслѣдствіе уничтоженія, съ реформою въ краѣ, среднихъ присутственныхъ мѣстъ (въ Оренбургѣ—верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и нижнія расправы въ уѣздахъ), отозвавшагося умноженіемъ дѣлъ въ палатѣ, и просила сейчасъ же, во избѣжаніе «неуспѣшности въ дѣлахъ», о прикомандированіи къ ней изъ нижнихъ судебныхъ мѣстъ, т. е. уѣздныхъ судовъ, по одному приказному служителю.

На эту мѣру не могъ согласиться губернаторъ, не желая ослабить уѣздные суды, какъ учрежденія, призванныя отправлять правосудіе между поселянами.

И казенная палата и палата суда и расправы заявляли о недостаточности суммы на хозяйственные надобности, на отопленіе, наемъ прислуги и канцелярскіе расходы. При этомъ казенная палата вычисляла, что при потребности на отопленіе зданія 80 саж. дровъ въ годъ, отпускаемой ей суммы хватитъ только на $^1/_2$ года.

Не имѣя возможности найти за положенную плату, по вольному найму, необходимое число сторожей при учрежденіи, палаты просили губернатора о прикомандированіи туда низшихъ воинскихъ чиновъ изъ состоящихъ въ его вѣдомствѣ. На отказъ же его, по невозможности удовлетворить ходатайство, казенная палата отвѣчала новою просьбой, хотя о томъ, чтобы приставить къ зданію военный караулъ на ночное время.

Въ отношеніи скудости денежныхъ средствъ и тѣсноты помѣщенія, вообще полнаго неустройства и губернское правленіе вмѣстѣ съ приказомъ общественнаго призрѣнія находилось въ одинаковомъ положеніи съ палатами.

Поэтому гражданскій губернаторъ кн. Баратаевъ, побуждаемый представленіями другихъ губернскихъ учрежденій, какъ палата суда и расправы и казенная палата, также усматривая неустройство по губернскому правленію, счелъ необходимымъ «по долгу начальства» обратиться къ правительству.

При этомъ онъ взглянулъ на дѣло шире и обратилъ вниманіе на всѣ существующія въ губерніи присутственныя мѣста и съ находящимися въ нихъ служащими, признавая, что текущая дѣятельность губернскихъ учрежденій можетъ идти успѣшно только при правильномъ положеніи подчиненныхъ имъ низшихъ учрежденій — уѣздныхъ судовъ, уѣздныхъ казначействъ и нижнихъ земскихъ судовъ, безъ посредства которыхъ ни казенныя взысканія не могутъ быть производимы, ни судьба тяжущихся рѣшима. Ни губернское

правленіе, ни палаты, разсуждалъ онъ, безъ орудія въ отправленіи своихъ обязанностей быть не могутъ.

Эти учрежденія оказались еще менѣе обезпечены по новымъ штатамъ.

Между тѣмъ на нихъ лежала отвѣтственная обязанность отправленія правосудія между обитателями уѣздовъ губерніи, «въ малыхъ распряхъ имѣющихъ тѣ суды единственною управою», да еще какой губерніи! Населенной разными племенами съ различными обычаями, обусловливающими постоянныя столкновенія и вызывающими частыя слѣдствія, обширнѣйшей по пространству и затруднительной для сношеній, вслѣдствіе не маловременныхъ по мѣстному климату водоразлитій и осеннихъ распутій, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ безпокойными кочевыми народами и бороться съ «безпримѣрными похищенностями магометанскаго поклоненія».

Поэтому въ проектъ выработанныхъ имъ штатовъ были включены наряду съ губернскими уѣздныя учрежнія. По губернскимъ учрежденіямъ прибавка къ отпускаемымъ 6980 рублямъ была исчислена въ 5968 руб., что вмѣстѣ должно было составить 12949 р. По уѣзднымъ и сельскимъ учрежденіямъ къ отпускаемымъ 9040 прибавлялось еще 11550, вмѣстѣ съ которыми получилось 20590. Всего по всей губерніи приходилось: отпускаемыхъ по штату 16020, вновь испрашиваемой прибавки 17518, того и другого вмѣстѣ 33539.

Какъ на источникъ для покрытія прибавочнаго расхода въ 17 слишкомъ тысячъ, было указано на сум-

мы, оставшіяся отъ упраздненія, вмѣстѣ съ реформою намѣстничества, среднихъ судебныхъ и низшихъ мѣстъ, по одной Оренбургской губерніи 59700 руб. слишкомъ.

Собравъ этотъ матеріалъ и сдѣлавъ такіе разсчеты, оренбургскій губернаторъ князь Баратаевъ рѣшился, по собственнымъ словамъ, «единожды пространнѣйшимъ обстоятельствъ сихъ описаніемъ представить на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату, предстательствуя не о временной и не собственно для себя, но для всѣхъ по губерніи служащихъ пользѣ, къ возстановленію порядка въ дѣлахъ, предотвращенію въ нихъ медленности и слѣдовательно для всѣхъ обитателей удовольствію и общему между нихъ спокойствію и тишинѣ непоколебимой».

Въ заключеніе своего представленія князь Баратаевъ высказывалъ надежду, если его мнѣніе удостоится благосклоннаго вниманія Сената, и на Высочайшее благоволеніе Всеавгустѣйшаго Монарха.

Къ этому донесенію въ Сенатъ былъ приложенъ проектъ новыхъ штатовъ, требующихъ необходимаго, безъ крайняго излишества, положенія въ матеріальное обезпеченіе какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ учрежденій.

Это послѣднее донесеніе въ Сенатъ, съ приложеніемъ проекта штатовъ, было отправлено въ Петербургъ 1 сент.

Къ этому времени не было еще получено изъ Сената отвѣта ни на одно изъ сдѣланныхъ ранѣе въ началѣ 1797 г. донесеній.

Понадобилось вмѣшательство генералъ-прокурора кн. Куракина, рекомендовавшаго письмомъ на имя оберъ

прокурора 1-го департамента сената немедленно назначить и внести дѣло къ слушанію.

Тогда сенатомъ въ засѣданіи 5 ноября были одновременно заслушаны всѣ тѣ донесенія, и разомъ рѣшены вопросы какъ о ремонтѣ зданій, такъ и о содержаніи мѣстнаго состава учрежденій, и рѣшены далеко не утѣшительно для оренбуржцевъ. По журналу, подписанному 11 декабря, былъ посланъ указъ 16 декабря оренбургскому губернатору.

Въ исправленіи казенныхъ строеній для присутственныхъ мѣстъ предписано было «измѣщаться» тою смѣтною суммою въ 10 т. рублей, которая была назначена на оренбургскую губернію Именнымъ указомъ 14 февраля 1897 г. на наемъ домовъ для присутственныхъ мѣстъ, на починку строеній, на устройство мостовъ и переправъ, на содержаніе колодниковъ, на курьерскія посылки и другія непредвидѣнные расходы; если же въ этомъ году оказалось бы ея недостаточно, то заимствовать деньги изъ того же кредита и на будущіе годы, сберегая ее для этой цѣли сокращеніемъ другихъ менѣе необходимыхъ расходовъ; въ случаѣ же надобности въ отпускѣ на ремонтъ единовременной суммы, разрѣшалось представить Сенату смѣту, составивъ ее безъ излишества.

Въ отношеніи же приказныхъ служителей и канцелярскихъ расходовъ указано было «исправляться положенной на губернію штатной суммой въ 6980 рублей».

Такъ это ходатайство и не пошло выше, какъ разсчитывалъ было кн. Баратаевъ.

Указъ о томъ былъ полученъ въ Оренбургѣ 10 января слѣдующаго 1798 года.

Того же числа губернаторъ рекомендовалъ казенной палатѣ, чтобы она, приступая къ распоряженіямъ о починкѣ казенныхъ зданій, предварительно обсудила: 1) будетъ ли достаточно того, что можно будетъ удѣлить на это дѣло изъ суммы въ 10 т. рублей на нынѣшній годъ и на послѣдующіе, для исправленія по годамъ. 2) возможно ли производить эти частичныя исправленія такъ, чтобы послѣ перваго исправленія, починивая оставленныя ветхости, не повредить сдѣланному ранѣе. На другой же день 11 января онъ донесъ объ этомъ Сенату, не дожидая отвѣта Палаты[27]).

Между тѣмъ всплыло и дѣло о ремонтѣ мѣнового и гостинаго двора, залежавшееся давно подъ сукномъ. Упомянутое ранѣе донесеніе уфимской казенной палаты Сенатъ опредѣлилъ въ 1792 г. доложить Ея Императорскому Величеству чрезъ генералъ-прокурора. Хотя это опредѣленіе было подписано и къ исполненію пропущено, но дѣло все таки осталось подъ сукномъ. Таже участь постигла вторичное донесеніе той же пататы въ 1794 г. Хотя и его было положено доложить совокупно съ первымъ, оба они пролежали до 1798 года, когда дѣло было слушапо Сенатамъ (О Высочайшемъ тогда докладѣ уже не было рѣчи).

Сенатъ опредѣлилъ для окончательнаго установленія цифры ремонта предписать Коммерцъ—Коллегіи приказать вновь освидѣтельствовать какъ мѣновой, такъ и гостинный дворы. Коммерцъ—Коллегія конечно обра-

тилась съ этимъ къ военному губернатору Игельстрому въ слѣдующемъ же августѣ мѣсяцѣ.

До царскихъ рукъ это дѣло дошло, какъ мы видимъ, другимъ путемъ въ рапортѣ преемника Игельстрома Бахметева. Государь соизволилъ указать, чтобы по донесенію Бахметева были предприняты благонадежныя мѣры. Генералъ-прокуроръ кн. Лопухинъ, объявилъ это Высочайшее повелѣніе Сенату, предложивъ ему на разсмотрѣніе вышеупомянутое денесеніе военнаго губернатора Бахметева.

Сенатъ слушалъ его 10 марта вмѣстѣ со справкой о вышеупомянутомъ его распоряженіи на донесеніе гражданскаго губернатора кн. Баратаева. Въ постановленіи своемъ Сенатъ отказалъ въ своемъ согласіи на требованіе Бахметева относительно высылки въ Оренбургъ преступниковъ въ виду Именнаго указа отъ 13 сентября 1797 г., установившаго порядокъ ихъ ссылки, а также не сдѣлалъ никакого распоряженія по существу, такъ какъ къ донесенію Бахметева не было приложено ни описи строеній, ни смѣты работамъ, о представленіи чего онъ только подтвердилъ гражданскому губернатору кн. Баратаеву. Въ томъ же смыслѣ составленъ былъ и Всеподданнѣйшій рапортъ отъ Сената.

Такимъ образомъ видимъ, что ходатайство о возстановленіи вообще казенныхъ зданій въ Оренбургѣ дошло до царскихъ рукъ. Но это дѣло было слишкомъ большое, оно требовало милліонныхъ суммъ. Поэтому и не могло скоро рѣшиться[28]).

Таковы были результаты, выяснившіеся по крайней мѣрѣ въ 1798 году. А къ этому времени новая губернія дотягивала уже второй годъ. Въ такомъ положеніи губернская администрація убѣдилась, что легче было переѣхать на новое мѣсто, чѣмъ устроиться на новосельи. Видѣло это и правительство. Если оно и не очень спѣшило выручать новую губернію изъ затрудненій, въ какихъ она очутилась, вслѣдствіе внезапнаго перевода ея въ Оренбургъ, то видимо сознавало всѣ неудобства, бывшія послѣдствіемъ поспѣшнаго шага. Поэтому оно поспѣшило вскорѣ исправить свою ошибку переводомъ губернскаго управленія изъ Оренбурга обратно въ Уфу, что состоялось въ 1802 году. А пока?... Какъ же были учрежденія? Какъ жили «самобѣднѣйшіе» изъ ихъ чиновъ?

Жили-были, по пословицѣ, «въ тѣснотѣ да не въ обидѣ»; не забывали, надо полагать, и другой русской пословицѣ, что «нужда родитъ деньгу».

Ардашевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Полное собраніе законовъ. т. XXIV, № 17634, 1796 г. декабря 12. Именной указъ, данный Сенату—о новомъ раздѣленіи государства на губерніи. Объ Оренбургской губерніи тамъ сказано слѣдующее: «Повелѣваемъ отнынѣ впредь состоять нижеписаннымъ губерніямъ.... Оренбургской, что до сего была Уфимская...»

[2]) Дѣло изъ Сенатскаго архива, присланное въ Оренб. Арх. Коммиссію, «О городахъ Оренбургской губерніи» 1797 г. Въ этомъ дѣлѣ значится жителей въ Оренбургѣ съ округою 19287 душъ (стран. 16).

[3]) Обзоръ Оренб. губ. за 1895 г., вѣдомость о распредѣленіи жителей по сословіямъ. Всего въ Оренбургѣ жителей обоего пола 61946 человѣкъ, въ томъ числѣ купцовъ и мѣщанъ 31182 человѣка.

[4]) «Въ числѣ 840 домовъ находится военнослужащихъ Рыльскаго и Лебедева полковъ, артиллерійской и инженерной командъ, губернской роты, статской службы и казацкаго иррегулярнаго войска штабъ и оберъ офицерскихъ до62 домовъ; нижнихъ воинсихъ служителей 208 домовъ; статской службы казацкаговойска нижнихъ же чиновъ до 119; провіантскаго и криксъкоммисаріатскаго штатовъ до 11; духовнаго чина до 10; отставныхъ воинскихъ и казацкихъ штабъ и оберъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ и малолѣтковъ до 151; купеческихъ, мѣщанскихъ съ иногородными и бухарскими до 90; разнаго званія вдовъ до 133; ссылочныхъ и рабочихъ до 60 домовъ».—«*Дѣло о полиціи» 1797 года* (Ор. Арх. Ком.). Отношеніе Оренбургскаго губернатора кн. Баратаева оренбургскому военному губернатору барону Игельстрому (л. 18 об.).

[5]) «Обзоръ Тургайской Области за 1894 годъ, вѣдом. № 6, лит. Б. Въ г. Иргизѣ, напримѣръ въ, томъ году на 1866 человѣкъ всего населенія приходилось купцовъ и мѣщанъ 218, т. е. около 11%.

[6]) «*Дѣло о истребованіи отъ Оренбургскаго Губернскаго Правленія объясненія, по какимъ причинамъ приступило къ*

наряду на перевозъ изъ Уфы въ Оренбургъ дѣлъ обывательскихъ лошадей и о прочемъ». 1797 г. ноября 5 д. (прислано изъ Сенатскаго Архива въ Оренб. Арх. Ком.). Рапортъ Оренбургскаго губернатора кн. Баратаева въ Сенатъ.... «Отвлекающися (дѣло идетъ о канцелярскихъ служителяхъ Губ. Пр., проживающихъ въ Форштадтѣ) и отъ сего послѣдняго ихъ удовольствя строгою стражею по пограничности города сего, запираніемъ городовыхъ воротъ по пробитіи вечерней до зори утренней; въ каковое время принуждены остаются, по позднему выходу отъ должности, за невыпускомъ ихъ изъ города, безвыходно» (л. 437).

Вышеупомянутое «*Дѣло о полиціи*». Учрежденіе въ Оренбургѣ управы благочинія: «У всѣхъ въѣзжающихъ въ городъ людей не въ военной службѣ состоящихъ, паспорты и билеты тѣмъ карауломъ, чрезъ который проѣздъ они имѣть будутъ, долженствуютъ отбираться, которыя отсылаются имъ на Главный Гауптвахтъ, а сей доставлять имѣютъ чрезъ нихъ въ управу благочинія» (л. 6).

[7]) *Дѣло о наказаніи мѣщанина Андрея Постникова за побѣгъ въ киргизскую степь 100 лозанами палками*, 21 августа 1814 г. № 495, на 2-хъ листахъ, неперемѣченныхъ (Оренб. Арх. Ком.)

[8]) Рычковъ «Топографія оренбургекой губ.,» стр. 245.

[9]) Вышеупомянутое «*Дѣло о полиціи*» 1897. Учрежденіе въ Оренбургѣ управы благочинія. «и такъ въ двухъ частяхъ города отъ 844 домовъ...» (л-5). Отношеніе кн. Баратаева барону Игельстрому 2 марта 1798 г... «города сего, во всемъ пространствѣ онаго крѣпость заключающаго...» (л-18)

Рычковъ. «Топографія», стр. 245 и 246.

[10]) Неизданная рукопись доктора *Афанасія Пятницкаго* подъ заглавіемъ «Описаніе Оренбургской губерніи». Подъ 1800 г. г. въ Оренбургѣ значится «Внутри (т. е. города) каменнаго строенія: церквей 5; присутствованныя мѣста: почтовый домъ, артиллерійскій цейкгаузъ и дворъ, солдатскія казармы, дворъ строенной конторы, гауптвахта, 4 караульни при воротахъ, госпиталь, аптека, гостинный дворъ, губернаторскій домъ, инженерной ко-

манды домъ и *4 дома частныхъ людей*. Въ прочемъ—строеніе деревянное, изрядно построенное, *но послѣ пожара, бывшаго въ 1786 г. много еще осталось пустырей не застроенныхъ»*.

[11]) Вышеупомянутое «Дѣло о полиціи», л. 18 об. (См. прим. 9-ое)

[12]) Рукопись Аѳ. Пятницкаго (См. прим. 10-ое).

[13]) Дѣло Архив. Ком. (присланное изъ Сенатск. архива) «Объ удержаніи ссылочныхъ людей отъ безпорядковъ 1799 г. Журналъ Пр. Сената 10 мар. 1799 по донесенію Бахметева о худомъ состояніи казеннаго строенія въ Оренбургѣ.... «до бывшихъ въ оренбургѣ пожаровъ строенія казенныя и частныя производились съ большею удобностью, въ чемъ вспомоществовала большею частію учрежденная въ Оренбургѣ въ 1740 г. контора строенія, имѣющая въ своемъ вѣдѣніи преступниковъ, присылаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ, число коихъ состояло только до 3000; съ 1776 же году оныхъ въ Оренбургѣ уже не присылается, и они время отъ времени умаляясь и нынѣ состоитъ ихъ при конторѣ со всѣми къ работѣ неспособными и престарѣлыми не болѣе 300 человѣкъ; да и тѣхъ большая часть употребляется на инженерную работу....» (л. 30).

[14]) Дѣло Арх. Коммиссіи (присланное изъ Сенатск. архива) «о нарядѣ на перевозку изъ Уфы въ Оренбургъ...» (421—428)

Рукопись Аѳ. Пятницкаго (см. выше примѣч. 10).

[15]) Рычковъ «Топографія Оренб. губ.» стр. 246—248.

[16]) Дѣло Архивн. Комисс. (изъ Сенатск. арх.) «о нарядѣ на перевозъ»... Зданія съ деревянной крышей: губернскій и городовой магистраты, земскій судъ, питейная контора, пограничный судъ, уѣздный судъ, губернская канцелярія, соляное правленіе, губернаторскій домъ со службами (421—428 л.)

[17]) См. примѣчаніе 13-ое.

[18]) Дѣло Архивн. Коммиссіи «о домѣ Оренбургской Губернск. Почт. Конторы» 1798 г. Упоминается пожаръ въ прошломъ 1798 г. на 29 число мая.

Рукопись Аѳ. Пятницкаго. См. выше, примѣч. 10-е.

См. выше примѣч. 16-е.

[19]) «Полное Собраніе Законовъ». Указъ 23 дек. 1781 г. (№ 15507) объ учрежденіи уфимскаго намѣстничества и областей Уфимской и Оренбургской.

Тамъ же, книга штатовъ духовн. и гражд., приложеніе къ № 17494, стр. 253 и 260, 261.

[20]) Адресъ-календарь и памятная кн. Оренб. губ. на 1895 г. «Справочный хронологич. перечень событій, относящихся къ мѣстности нынѣшней Оренбургск. губ. съ половины XVI в. до настоящаго времени», стр. 32 и 33.

[21]) Дѣло Архивн. Комиссіи (присланное изъ Сенатск. архива) «о вступленіи въ должность Оренбургскаго военнаго губ. барона Игельстрома». Рапортъ въ Пр. Сенатъ 11 ф. 1797 г. (л. 357).

[22]) Дѣло арх. ком. (изъ сенатскаго архива) «о городахъ Оренбургской губерніи» (л. 1 об.).

[23]) Дѣло Арх. Комисс. (изъ Сенатск. архива)«о истребованіи отъ Оренбургскаго правленія объясненія, по какимъ причинамъ приступило къ наряду на перевозъ». Началось 1797 г., рѣшено 1800 г. Два рапорта губ. правл. въ сенатъ 25 февр. и 13 мая 1797 г. съ приложеніемъ 8 смѣтъ на ремонтъ зданій. 415—427 лл.

[24]) Тамъ же, 448—462 лл.

[25]) Тамъ же, 429 и 423, 447—467.

[26]) Дѣло Арх. Коммиссіи (изъ Сенатск. арх.) «Объ освидѣтельствованіи ветхостей въ Оренбургѣ мѣнового и гостинаго двора. И о доставленіи Сенату, сколько потребно будетъ суммы на поправку оныхъ». 40—63 лл.

Дѣло арх. коммиссіи (изъ Сенатск. арх.). «О предписаніи Оренбургскому гражданскому губернатору о присылкѣ смѣтъ, сколько потребно суммъ на исправленіе казенныхъ строеній, требуемыхъ по указу Сената 16 дек. 1797 г.». Сенатск. журналъ 10-го мар. 1797 г. по донесенію Бахметева (32 и 33 лл.).

[27]) Дѣло о перевозѣ въ Уфу (см. выше примѣч. 23) 435—468лл.

[28]) Дѣло «объ исправл. казенныхъ строеній» (см. выше прим. 26-ое) лл. 32, 33 и 44—36.

О ЗАДАЧАХЪ, ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ УЧЕНЫХЪ АРХИВНЫХЪ КОММИССІЙ ВООБЩЕ И ОРЕНБУРГСКОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ ВЪ ЧАСТНОСТИ*).

Мм. Гг.

За послѣднюю четверть вѣка, въ разныхъ концахъ необъятной Россіи открываются или уже открыты и дѣйствуютъ съ пользою для отечественной науки всевозможныя ученыя общества. Во многихъ городахъ основываются музеи, читальни, библіотеки, выставки; повсюду видится стремленіе изучать родную старину. Во многихъ городахъ учреждены ученыя архивныя коммиссіи, которыя разбираютъ и изслѣдуютъ архивы, древнія книгохранилища, памятники сѣдой старины, разрываютъ могильники и курганы. Изъ находимыхъ въ нихъ различныхъ предметовъ древности составляютъ коллекціи, служащія началомъ созданія мѣстныхъ историческихъ музеевъ, при чемъ изучаются обычаи, нравы, обряды населенія извѣстной мѣстности; собираются сказанія, пѣсни, пословицы, областныя преданія, былины и легенды.

---

*) Настоящій рефератъ прочитанъ въ общемъ годичномъ собраніи оренб ученой архивной коммиссіи (1-омъ публичномъ) въ оренб. обществ. собраніи 15 декабря минувшаго года. При печатаніи пришлось ввести въ этотъ рефератъ тѣ подробности, которыя были выпущены при прочтеніи, въ видахъ опасенія утомить вниманіе публики. *Авторъ.*

Такое оживленное стремленіе къ изученію родного края, его природы, исторіи и современнаго положенія свидѣтельствуетъ, конечно, о подъемѣ провинціальной жизни, о развитіи національнаго самосознанія. Сохраненіе памяти о прошломъ, любовь къ родной исторіи, недаромъ принято считать первымъ признакомъ культуры. Изучая себя, свое прошлое, мы пріучаемся горячо любить свою родину; кто же беззавѣтно любитъ родину, тотъ невольно проникается желаніемъ совершенствовать себя, свою жизнь, свои знанія, свое духовное развитіе, стремится ко всему доброму, свѣтлому, стремится приносить пользу обществу своими познаніями и посильнымъ трудомъ.

Вотъ эти самыя задачи и цѣли имѣетъ въ виду и наша молодая, нынѣ возрождающаяся ученая архивная коммиссія.

Къ сожалѣнію, приходится констатировать до крайности печальный фактъ. Почти 10 лѣтъ прошло съ открытія въ г. Оренбургѣ ученой архивной коммиссіи, но среди оренбургскаго общества многіе или совсѣмъ еще не знаютъ о ея существованіи, или смутно представляютъ себѣ задачи ея дѣятельности и ту пользу, которую она, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ приносить для русской исторической науки и общества.

Какъ на одну изъ причинъ такого печальнаго явленія укажемъ на слѣдующее обстоятельство: въ то время, когда архивныя комиссія въ другихъ городахъ находятся уже въ полномъ развитіи своей многосложной ученой дѣятельности, наша архивная коммиссія,

по причинамъ отъ нея независящимъ, должна была пережить почти семилѣтній перерывъ дѣйствій.

Пока нѣтъ надобности объяснять остальныя причины этого явленія, но позволительно возстановить въ памяти исторію возникновенія нашего молодого учрежденія, оцѣнить его значеніе и указать, насколько возможно, то мѣсто, которое оно можетъ и должно наконецъ занять въ ряду другихъ явленій пробуждающейся общественной жизни и мысли. Обратимся нѣсколько къ прошлому. Еще при покойномъ оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Н. А. Крыжановскомъ возникъ вопросъ о разборѣ и приведеніи въ порядокъ архива его канцеляріи, который до 1874-75 г.г. представлялъ кучу неразобранныхъ дѣлъ и бумагъ, сваленныхъ на полу архивнаго помѣщенія. Въ 1873 году генералъ-губернаторъ образовалъ изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ особую коммиссію для разбора и приведенія въ порядокъ архива. Цѣлыхъ два года работала эта коммиссія и результатомъ ея работъ явилось приведеніе архива въ канцелярски-систематическій видъ. Эта коммиссія хотя и пыталась описывать дѣла, но такая громадная и спеціальная задача для канцеляристовъ, обремененныхъ прямыми обязанностями службы, оказалась тогда совершенно непосильною.

Признавая за архивомъ своей канцеляріи громадное значеніе по отношенію къ изученію прошлаго оренбургскаго края, генералъ-губернаторъ не ограничивался желаніемъ собрать одни архивные матеріалы, а старался привлечь лучшія интеллигентныя силы

ко всестороннему изученію обширнаго края. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ свѣтлыхъ моментовъ жизни г. Оренбурга, именно, 19 декабря 1880 г., во время пребыванія здѣсь извѣстнаго путешественника Н. М. Пржевальскаго, рѣшенъ былъ одинъ важный вопросъ. Въ залѣ городской думы, переполненномъ публикой, предъ началомъ сообщенія знаменитаго путешественника, главный начальникъ края Н. А. Крыжановскій обратился къ слушателямъ съ прекрасною рѣчью, въ которой доказывалъ настоятельную необходимость подробнаго и всесторонняго описанія обширнѣйшаго оренбургскаго края.

Воззваніе это, покрытое громомъ рукоплесканій, незамедлило дать благопріятный результатъ: многочисленное собраніе, заключавшее всѣ лучшія интеллигентныя силы города, *единогласно* выразило желаніе заняться собираніемъ матеріяловъ для описанія края; для чего были избраны три особыя коммиссіи: 1-ая—*по географіи*, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Ѳ. М. Самоцвѣта; 2-я—*по статистикѣ* подъ предсѣдательствомъ генерала Л. Л. Мейеръ и 3-я—*по исторіи естественныхъ богатствъ и врачебной части* подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника, д-ра медицины Лотина.

Занятія-же по *исторіи, археологіи и этнографіи* края были возложены на особое лицо, приглашенное генералъ-губернаторомъ,—на покойнаго изслѣдователя оренбургскаго края, члена многихъ ученыхъ обществъ, Р. Г. Игнатьева.

Генералъ-губернаторъ, заботясь о разработкѣ прежде

всего архива своей канцеляріи, нѣсколько разъ входилъ съ представленіями въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ объ ассигнованіи кредита въ 6.000 руб., но Министерство, въ виду затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствъ того времени, не находило возможнымъ удовлетворить это ходатайство. Къ тому же, прежде чѣмъ избранныя коммиссіи приступили къ собранію матеріаловъ, разбросанныхъ по архивамъ и начали правильную разработку огромнаго архива канцеляріи генералъ-губернаторства, случилось обстоятельство, разстроившее всѣ первоначальные планы. 11 іюля 1881 г. была получена изъ Петербурга телеграмма такого содержанія: «Высочайшимъ указомъ на имя Правит. Сената объявлено: должность оренбургскаго генералъ-губернатора упраздняется. Генералъ-губернаторъ Крыжановскій увольняется отъ должности, съ оставленіемъ членомъ Военнаго Совѣта».

По упраздненіи генералъ-губернаторскаго и всѣхъ военно-окружныхъ управленій, распался и составъ коммиссій по описанію оренбургскаго края, такъ какъ многіе изъ предсѣдателей коммиссій были переведены изъ Оренбурга. Но это обстоятельство не пріостановило все же спокойнаго теченія научныхъ работъ, и вновь была организована коммиссія по разбору архива бывшаго генералъ-губернаторскаго управленія; но по неимѣнію однако средствъ, вскорѣ же была предъявлена археологическому институту просьба принять на себя трудъ по разбору и приведенію названнаго архива въ порядокъ, съ назначеніемъ для

сего 1000 р. Институтъ не замедлилъ изъявить на это согласіе и вначалѣ сентября 1881 г. командировалъ въ Оренбургъ дѣйств. члена своего А. В. Гаврилова и вольно-слушателя А. Н. Львова. Изъ отчета послѣднихъ усматривается, что они успѣли вполнѣ ознакомиться, съ положеніемъ архива, выработали проэктъ правилъ храненія архивныхъ дѣлъ и констатировали тогда же несомнѣнный интересъ архива для научныхъ изслѣдованій. Когда всѣ помянутыя обстоятельства достаточно выяснились—въ Оренбургъ прибылъ (въ 1882 г.) самъ знаменитый архивовѣдъ, покойный сенаторъ Н. В. Калачевъ. Ознакомившись непосредственно съ положеніемъ архива и съ вопросами объ его устройствѣ, Николай Васильевичъ вполнѣ согласился въ принципѣ съ проэктомъ ликвидировавшаго тогда дѣла генералъ-губернаторскаго управленія, члена совѣта Мин. Внутр. Дѣлъ, тайнаго совѣтника Ѳ. К. Гирса объ образованіи вновь особой коммиссіи по научной разработкѣ помянутаго архива. Съ этою цѣлью, подъ предсѣдательствомъ Калачева, состоялись два предварительныхъ совѣщанія, въ которыхъ приняли участіе: тайный совѣт, Гирсъ, чинов. особ. порученій при Мин. Внутр. Дѣлъ Галдинскій, вице-губернаторы оренбургскій—Лукопковъ и тургайскій—Ильинъ, городской голова Середа, редакторы оренбургскихъ: листка—Ефимовскій-Мировицкій и губ. вѣдомостей—Игнатьевъ, преподаватель классической гимназіи Сѣверный, археологи Гавриловъ и Львовъ. На этомъ засѣданіи выработана точная программа дѣятельности коммиссіи и, въ особенности, составленія

ея членами описей и указателей къ дѣламъ и бумагамъ архива.

При обсужденіи на *второмъ* засѣданіи различныхъ вопросовъ по предстоящей разработкѣ архива, между прочимъ, возникъ вопросъ и о томъ, чтобы, по приведеніи архива въ порядокъ, онъ былъ оставленъ въ Оренбургѣ, какъ мѣстный *центральный архивъ*.

Присутствующіе представители мѣстной администраціи и городского управленія, какъ видно изъ отчета тѣхъ же г г. Львова и Гаврилова, высказали тогда полнѣйшее сочувствіе этой прекрасной мысли и свою готовность найти средства къ ея осуществленію. Но слова остались словами... Коммиссія изъ 6 человѣкъ въ теченіе 4 лѣтъ разобрала дѣла, хотя и не вполнѣ, а также перевезла эти дѣла изъ прежняго помѣщенія генералъ-губернаторской канцеляріи, занятаго теперь контрольной палатою, въ бывшій генералъ-губернаторскій домъ, гдѣ помѣщаются нынѣ казенная палата и губернск. казначейство, и гдѣ оказались свободными одна комната и холодный чердакъ - антресоли. Трудъ разборки архива былъ щедро оплачиваемъ денежнымъ вознагражденіемъ, которое отпускалось изъ казны въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ и составило сумму свыше 10000 рублей. Но коммиссія эта къ послѣднему времени оскудѣла членами настолько, что предсѣдатель ея, покойный нынѣ, П. Н. Расповъ былъ, кажется, единственнымъ дѣятельнымъ работникомъ по окончанію не легкаго дѣла.

Между тѣмъ, директоръ археологическаго института нашелъ, что наступила уже пора приняться за

научную разработку архива, и поэтому предложилъ губернатору образовать въ Оренбургѣ *ученую архивную коммиссію*, на основаніи существующихъ узаконеній, подъ почетнымъ попечительствомъ его, губернатора.

По сему поводу, въ квартирѣ губернатора Н. А. Маслоковца вскорѣ состоялось собраніе 27 мѣстныхъ лицъ, принявшихъ приглашеніе, и въ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, прежде всего выслушанъ отчетъ Распопова о положеніи дѣла разборки генералъ-губернаторскаго архива. Изъ отчета этого, между прочимъ, видно, что описей хронологическихъ еще не сдѣлано, да и сдѣлать ихъ было некому; къ тому же значительная часть дѣлъ находилась тогда на разборкѣ въ археологическомъ институтѣ, который, по донесеніи ему о количествѣ дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, видимо былъ пораженъ этимъ количествомъ, и поэтому потребовалъ описи и много дѣлъ на разсмотрѣніе и окончательное разрѣшеніе вопроса, дѣйствительно-ли всѣ они подлежатъ уничтоженію.

Работы предстояло много, а безплатныхъ работниковъ найти уже было трудно; отпущенныя же казной суммы были всѣ израсходованы.

На оренбургскую ученую архивную коммиссію тогда возлагалась, какъ видно изъ указаній, данныхъ археолог. институтомъ, двоякаго рода работа: во первыхъ, завершеніе дѣла устройства оренбург. историческаго архива, въ составъ котораго должны были войти 21.194 дѣла, отобранныя къ храненію и во

вторыхъ – пересмотръ снова дѣлъ (въ количествѣ 72.599), опредѣленныхъ къ уничтоженію.

Наконецъ, 9 декабря 1887 года, въ соединенномъ собраніи членовъ коммиссіи по разбору архива бывшей канцеляріи генералъ-губернатора и лицъ, заявившихъ желаніе принять участіе въ работахъ вновь учрежденной *архивной коммиссіи*, послѣдняя была объявлена губернаторомъ открытою, на основаніяхъ, изложенныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи 13 апрѣля 1884 г.

Первый годъ существованія ея былъ посвященъ продолженію работъ бывшей коммиссіи по разбору архива генералъ-губернаторскаго управленія. По мѣрѣ разбора дѣлъ этого архива, назначаемыхъ къ храненію, составлялись имъ описи, въ которыхъ кромѣ обозначенія содержанія дѣлъ по заголовкамъ, указывались важнѣйшіе документы, въ дѣлѣ находящіеся.

Такъ какъ первоначально спеціальною задачей для оренбургской ученой архивной коммиссіи было намѣчено—приведеніе въ порядокъ и научное описаніе предоставленнаго въ ея вѣдѣніе обширнаго архива бывшаго генералъ-губернаторскаго управленія, то члены коммиссіи и стремились къ осуществленію предначертанной программы дѣйствій, составляя алфавитные указатели, по карточной системѣ, описывая дѣла архива, предлагая свои рефераты вниманію общаго собранія членовъ. Но ввиду того, что алфавитные указатели, приклеенные къ отдѣльнымъ листкамъ, не пришивались своевременно къ дѣламъ и теперь перепутаны, года же на нихъ не были со-

всѣмъ проставлены—трудъ этотъ, хорошо въ свое время оплаченный, явился въ нѣкоторомъ родѣ, трудомъ Сизифа, не принесшимъ совершенно никакой пользы для дѣла.

Въ виду громаднаго интереса, представляемаго архивомъ упраздненнаго генералъ-губернаторства, здѣсь умѣстнымъ представляется познакомить Васъ, м.м. гг., съ тѣми богатствами, которыя хранитъ въ себѣ этотъ архивъ. Въ генералъ-губернаторской канцеляріи, какъ центральномъ мѣстномъ учрежденіи, отражалась вся жизнь обширнаго оренбургскаго края, отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупнѣйшихъ ея проявленій. Поэтому въ архивѣ этой канцеляріи, не смотря на его сравнительную молодость, находится масса ученыхъ записокъ и изслѣдованій по исторіи и этнографіи края; не мало проектовъ и административныхъ распоряженій по устройству быта инородцевъ, очерки обычнаго права киргизъ и башкиръ, есть документы объясняющіе постепенное распространеніе колонизаціи русскаго господства надъ пограничными племенами, письменные памятники политическихъ и торговыхъ сношеній съ средне-азіатскими владѣніями, дипломатическія сношенія съ средне-азіатскими ханствами, посольства изъ Хивы и Бухары къ Высочайшему Двору; немало свѣдѣній времени пугачевскаго бунта; есть много интереснѣйшихъ матеріаловъ по распространенію въ краѣ народонаселенія, по развитію промышленности и мѣновой торговли, сельскаго и городского хозяйства и народнаго образованія; хранятся матеріалы по ссылкѣ арестантовъ

въ илецкую каторжную тюрьму и свѣдѣнія объ административно-ссыльныхъ польскихъ конфедератахъ; документы о хивинскомъ походѣ графа Перовскаго въ 1839—40 г.г., о взятіи крѣпости Акъ-мечети; о посѣщеніяхъ оренбургскаго края Императорами Александромъ I, Александромъ II и другими Высочайшими особами. Встрѣчается матеріалъ по исторіи освобожденія крестьянъ. Наконецъ, здѣсь есть богатѣйшій отдѣлъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ по расколу. Извѣстно, что распоряженіями Императрицы Екатерины II, раскольникамъ, для привлеченія ихъ изъ—за границы, предоставлено было право селиться въ нынѣшнихъ Оренбургской и Самарской губерніяхъ. Поэтому, въ прошломъ и въ первой четверти настоящаго столѣтія расколъ здѣсь росъ, крѣпъ и развивался на свободѣ и спокойно. Только въ 30 годахъ настоящаго столѣтія взгляды правительства существенно измѣнились: начались энергическія преслѣдованія вредныхъ сектъ; въ особенности эти преслѣдованія усилились со времени появленія среди раскольниковъ поповцевъ, такъ называемаго австрійскаго священства, выходцевъ изъ Бѣлокриницы. Въ этомъ отношеніи правительственныя мѣропріятія, приведеніе ихъ въ дѣйствіе мѣстными властями и, вообще, отношеніе ихъ къ раскольникамъ, а равно значеніе и слѣдствіе сихъ мѣропріятій могутъ составить не одну интересную страницу въ исторіи русскаго раскола, тѣмъ болѣе, что историкъ, при желаніи и извѣстной настойчивости, найдетъ въ дѣлахъ архива не одни только распоряженія цент-

ральной и мѣстныхъ властей въ этомъ направленіи, но и цѣлыя ученыя записки о появленіи и причинахъ развитія раскола въ этомъ краѣ и даже карту поселеній раскольниковъ всевозможныхъ согласій.

Затѣмъ богатъ матеріалами для изученія и *казачій отдѣлъ*. Въ немъ хранятся драгоцѣнныя свѣдѣнія о поземельныхъ и торговыхъ правахъ казаковъ, а въ связи съ этимъ и нѣкоторыя историческія указанія о первоначальномъ образованіи оренбургскаго и уральскаго казачьихъ войскъ. Особенно много подобныхъ дѣлъ объ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, какъ стоявшемъ когда-то на пути колонизаціи изъ среднихъ губерній въ оренбургскій край и потому имѣвшимъ почти постоянное столкновеніе съ массой переселенцевъ изъ за поземельныхъ правъ. Не менѣе важны статистическіе отчеты войсковыхъ атамановъ къ начальникамъ оренбургскаго края о своихъ войскахъ (уральскомъ, оренбургскомъ, башкиро-мещерякскомъ), постепенное расширеніе матеріальныхъ источниковъ для ихъ благосостоянія, командировки казачьихъ отрядовъ въ степь и эпизоды изъ прилинейной жизни казаковъ, въ связи съ набѣгами и барантой киргизъ. Полны глубокаго интереса письма плѣнныхъ казаковъ изъ Хивы и Бухары, рисующихъ безотрадное ихъ положеніе въ этихъ ханствахъ (сажаніе на колъ, клоповники и проч.) и самое состояніе ханствъ. Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мы не разсматривали этотъ отдѣлъ, онъ можетъ служить богатымъ матеріаломъ для всякаго любознательнаго человѣка, въ особенности же, разумѣется, для казаковъ.

Къ сожалѣнію, время не позволяетъ перечислить подробнѣе теперь, же всѣ сокровища, которыми богатъ нашъ архивъ. Эти архивныя богатства хотя далеко не всѣ исчерпаны, но частію ихъ уже не преминули воспользоваться гг. члены ученой архивной коммиссіи. Такъ, напримѣръ, были прочитаны въ собраніи членовъ коммиссіи и затѣмъ напечатаны слѣдующіе рефераты;

Гр. Королева—Антошечкина (нынѣ покойный): «Костелъ» и «кирка св. Екатерины въ г. Оренбургѣ», «о 100-лѣтнемъ юбилеѣ оренб. городского училища», «нѣчто о колонизаціи г. Оренбурга», «историческая панихида въ г. Оренбургѣ по защитникамъ г. Оренбурга во время 6 мѣсячной осады Пугачевымъ», «историческіе ворота въ Оренбургѣ», «первая попытка (въ 1824 г.) изданія въ оренбургскомъ краѣ газеты, подъ названіемъ «*Періодическія записки*» и мног. др.

С. Н. Севастьянова: «къ вопросу объ образованіи оренб. каз. войска» и друг.

А. В. Игнатовича (покойный): «дѣло о французахъ Жане и де' Лабо», «архивъ оренб. городского управленія», «о взятіи въ плѣнъ Падурова» и «Шапошниковская богадѣльня въ Оренбургѣ».

Г. Н Зеленина (покойный): «о походѣ Перовскаго въ Хиву въ 1831—33 гг.», «о возстаніи адаевцевъ на полуостровѣ Мангишлакъ и объ ихъ усмиреніи».

Н. Г. Иванова: «о курганахъ въ оренбургскомъ уѣздѣ», «памятники пребыванія въ оренб. краѣ Пугачева», «очерки обычнаго права башкиръ» и друг.

П. Л. Юдина: «черты изъ жизни графа Василія Алексѣевича Перовскаго, по разсказамъ старожиловъ», «Киргизы» этнограф. очеркъ и мн. другіе. Рефератъ г. Юдина о ссыльныхъ послѣ отечественной войны въ оренбургскую губернію французахъ, перепечатанный нѣкоторыми газетами, нашелъ откликъ даже въ Парижѣ.

Одинъ изъ потомковъ такихъ французовъ, ученый аббатъ Ляпглуа прислалъ автору реферата письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ о доставленіи ему подробныхъ свѣдѣній о находящихся въ живыхъ въ Оренбургской губерніи его родичахъ, ихъ образѣ жизни, соціальномъ положеніи и т. п.

Къ сожалѣнію, мало утѣшительнаго пришлось узнать любознательному аббату: въ теперешнихъ казакахъ совершенно не возможно узнать французовъ, начиная съ фамиліи, которая давно уже передѣлана на русскій ладъ; такъ, напримѣръ, изъ французской фамиліи *Ляпглуа* состряпана русская *Лапгуловъ* и т. д.

Издавши послѣ франко-русскихъ торжествъ книгу «Русскіе моряки въ Парижѣ», обязательный аббатъ не забылъ автора интереснаго реферата «о французахъ—казакахъ» и выслалъ ему свой почтенный трудъ съ собственноручною надписью.

Этихъ не многихъ, но краснорѣчивыхъ данныхъ весьма достаточно, чтобы сказать, что надежды, воз-

лагаемыя на оренбургскую ученую архивную коммиссію по разработкѣ архивнаго матеріала, начинаютъ по немногу оправдываться.

Не такъ легко, конечно, разсмотрѣть и основательно описать архивъ въ 100.000 дѣлъ, памятуя кромѣ того объ обязанности арх. коммиссіи разбирать и другіе губернскіе и уѣздные архивы, какъ своей, такъ и сосѣднихъ губерній.

Но такъ или иначе, но положенъ уже предѣлъ легкомысленному уничтоженію письменныхъ памятниковъ въ видѣ дѣлъ, признаваемыхъ почему бы то ни было не нужными въ текущемъ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ.

Такимъ образомъ, архивная работа, какъ видите изъ приведенныхъ на выдержку данныхъ, начата основательно, а поэтому и главную ея цѣль,—учрежденіе *губернскаго историческаго архива*, можно считать наканунѣ осуществленія.

До сихъ поръ я говорилъ только объ одной сторонѣ дѣятельности нашей коммиссіи, именно—*архивной*.

Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, выяснилась необходимость и возможность расширить рамки дѣйствій архивныхъ коммиссій. На нихъ возложена, между прочимъ, обязанность сохраненія и описанія памятниковъ отечественной старины. Эта функція дѣятельности является уже чисто *археологическою*, конечная цѣль которой – образованіе мѣстныхъ *историческихъ музеевъ*.

Археологія, какъ наука о памятникахъ вещественныхъ, должна составлять опору историческаго вѣдѣнія.

Историкъ, воспроизводя извѣстную эпоху, не можетъ и не долженъ довольствоваться данными однихъ только архивовъ и проходить мимо тѣхъ памятниковъ старины, въ которыхъ такъ или иначе отразились воспроизводимыя имъ событія.

Наша родная сторона вообще богата доисторическими памятниками, но особенно богатъ ими оренбургскій край.

Непремѣнный членъ Императорскаго московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи Ф. Д. Нефедовъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Оренбургскую и прилежащія къ ней губерніи, для производства раскопокъ кургановъ и собранія свѣдѣній о другихъ памятникахъ старины, въ публичномъ засѣданіи оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета, 19 октября 1888 г, сдѣлалъ сообщеніе объ археологическомъ значеніи оренбургскаго края.

Позволяю себѣ вкратцѣ привести сущность его рѣчи-лекціи.

Азію принято считать колыбелью человѣчества, съ глубокой древности отсюда выселялись народы, они шли черезъ Сибирь, шли по рѣкамъ и дорогамъ, направлялись чрезъ степи Тургайской и Уральской областей, степи Оренбургской и Самарской губерній, переправлялись чрезъ р. Яикъ (Уралъ) и Волгу и потомъ южными степями достигали моря, заселяя нынѣшній Крымъ, побережье Чернаго и Азовскаго морей и, наконецъ, всю западную Европу. Оренбургскій край, со временъ незапамятныхъ служилъ воротами изъ

Азіи въ Европу, онъ былъ свидѣтелемъ грандіознаго шествія, великаго переселенія народовъ.

Безчисленное множество кургановъ, городищъ и городковъ, которыми на тысячи верстъ усѣяны степи, сырты, берега рѣкъ и озеръ,—вотъ тѣ нѣмыя лѣтописи, содержащія въ себѣ повѣствованія о народахъ, ихъ образѣ жизни и дѣяніяхъ,—народахъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли или благополучно здравствующихъ и извѣстныхъ теперь подъ именемъ славянъ, германцевъ, французовъ, англичанъ и т. д. Здѣсь проходили и останавливались *всѣ народы*, кочевали скифы и обитали племена осѣдлыя.

Позднѣе, чрезъ здѣшнія степи двигались полчища печенѣговъ, половцевъ и монголовъ, оставившихъ по себѣ мрачную память въ исторіи русскаго народа. Не въ западной Европѣ, не на югѣ или въ центрахъ Россіи, по мнѣнію г. Нефедова, мы должны искать слѣдовъ первобытнаго человѣка и остатковъ его культуры, а здѣсь, на восточной окраинѣ, служившей театромъ переселенія и столкновенія народовъ.

Этотъ замѣчательный край, имѣющій, скажемъ безъ преувеличенія, всемірное значеніе, до сихъ поръ остается почти не тронутымъ въ археологическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ. Рычковъ оставилъ намъ *исторію и топографію оренбургскаго края*, а Паллассъ изучалъ его только со стороны естественно-исторической, упомянувъ лишь вскользь, что замѣтилъ по дорогѣ изъ Оренбурга въ Илецкую защиту курганъ «вельми древній, обросшій мохомъ».

Другой, нынѣ тоже покойный изслѣдователь приуралья Р. Г. Игнатьевъ первый сдѣлалъ настойчивую попытку разрыть нѣсколько кургановъ въ троицкомъ уѣздѣ и нанести на карту доисторическіе памятники въ названномъ уѣздѣ. Но его изслѣдованія обнимали незначительный и то одного только уѣзда раіонъ,— онъ не коснулся другихъ уѣздовъ и совсѣмъ оставилъ безъ вниманія Самарскую и Уфимскую губерніи и стени тургайскую и уральскую. Г. Нефедову первому, собственно говоря, выпало на долю счастіе положить начало археологическихъ изысканій въ Тургайской области, на землѣ оренбургскаго казачьяго войска и въ губерніяхъ: Оренбургской, Самарской и Уфимской. Масса различныхъ вещей находилась при раскопкѣ кургановъ: каменныя, бронзовыя и желѣзныя орудія: каменныя стрѣлы, кольца, привѣски съ изображеніями животныхъ, птицъ и другихъ фигуръ, служившихъ, вѣроятно, идолами; изъ бронзы, большею частью, попадались наконечники стрѣлъ, металическія зеркала, золотыя и серебряныя серьги, бронзовые перстни, ожерелья, состоящія изъ коралловыхъ пронизокъ, янтарныхъ и стекляныхъ бусъ, амулеты и различныя украшенія. Встрѣчались бронзовые сосуды, въ видѣ урнъ, топоры (кельты), бронзовые идолы (бурханы), каменные жертвенники, древніе желѣзные мечи, секиры и бронзовыя стрѣлы. Кромѣ того, находились засыпанными цѣлыя капища и храмы, въ нихъ—скелеты и вещи изъ золота и бронзы, а надъ ними—громадныя каменныя бабы, изображающія человѣческія фигуры. Къ великому нашему сожалѣнію,

вся эта масса интересныхъ вещей отсылалась далеко отъ насъ, въ ученыя общества другихъ городовъ.

Такъ или иначе, завѣса на отдаленное прошлое нашего приуралья уже приподнята г. Нефедовымъ и Игнатьевымъ, но наблюденію изслѣдователей представляется еще широкое поле. По одной только, напримѣръ, Башкиріи разбросаны тысячи кургановъ (або), изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ курганы съ каменными гробницами.

Рычковъ, въ своей топографіи Оренб. губерніи говоритъ, что въ его время было нѣсколько древнихъ зданій по берегамъ р. Уя, на башкирской и киргизской сторонахъ, и что они принадлежатъ якобы народу, когда-то ушедшему въ Китай (sic). Игнатьевымъ отысканы слѣдующія городища: «чудской городокъ» челябинскаго уѣзда, при деревнѣ Гороховой; городище «Чингисово», при деревнѣ того же названія верхнеуральскаго уѣзда.

Масса кургановъ варварски расхищается одержимыми страстью кладоискательства, но, въ предотвращеніе дальнѣйшаго расхищенія, г. губернаторомъ уже сдѣланы недавно надлежащія распоряженія.

Не смотря на энергическія мѣры, принимаемыя высшимъ правительствомъ, въ отношеніи прекращенія кладоискательства, оно съ каждымъ годомъ развивалось.

Какъ напримѣръ такого хищническаго разграбленія кургановъ я укажу на слѣдующій характерный случай, описанный г. Назаровымъ въ № 3 «Оренбургскаго Листка» за 1891 годъ.

Въ Орскомъ уѣздѣ есть поселокъ Таналыкъ, гдѣ мѣстные жители, а еще болѣе *старатели* съ золотыхъ пріисковъ, давно уже спеціально занимаются раскопкою кургановъ и пещеръ, сбывая найденныя вещи татарамъ, выгодно продающимъ ихъ въ Казани. Мало этого, хищники, въ томъ же году образовали цѣлую артель, которая всю зиму разрывала Таналыкскія пещеры и даже взорвала порохомъ скалу. На другой годъ компанія увеличилась, и ея трудами добыто: 10 глиняныхъ сосудовъ, 20 костяныхъ стрѣлъ, 2 большихъ серебряныхъ кольца, 2 обломка серебрянаго витого шейнаго кольца, 1 перламутровая пластинка и т. д. Часть этихъ вещей оставлена,—говорится въ замѣткѣ г. Назарова,—у станового пристава, по его просьбѣ, часть Богъ-вѣсть куда увезена. Безъ сомнѣнія, лучшія вещи скрыты.

Другой случай. Въ г. Илецкая Защита, кто въ ней бывалъ, навѣрное, видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на горѣ остатки постройки древней архитектуры По стѣнамъ этого замка сохранялись еще сводчатыя комнаты съ желѣзными цѣпями.

Эта древняя постройка расхищена жителями камень по камню и на ея мѣстѣ поставленъ деревянный крестъ (кажется, строятъ здѣсь монастырь). Въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ въ 12 верстахъ отъ Варнинскаго поселка, въ мѣстности, назыв. „Кисене“, тоже есть такая постройка, расхищавшаяся было обывателями, но это обстоятельство частно дошло до губернскаго начальства и въ 1891 году было предписано полиціи принять мѣры къ ея сохраненію; причемъ стро-

жайше подтверждены всѣ законоположенія о памятникахъ отечественной старины, курганахъ и кладоискательствѣ. Никакія, однако, строгости со стороны правительства не могли вырвать съ корнемъ такое зло какъ расхищеніе предметовъ старины,—и вотъ къ сохраненію ихъ призваны молодыя провинціальныя ученыя общества—ученыя архивныя коммиссіи, члены которыхъ, находясь въ разныхъ концахъ своего края, могутъ предотвратить подобныя хищенія и собирать случайныя находки и выемки изъ кургановъ въ общую сокровищницу *историко-археологическій музей*. У насъ же въ этомъ направленіи пока сдѣлано очень мало, хотя еще въ 1888 году оренбургскій губернскій статистическій комитетъ,, подъ вліяніемъ рѣчи Нефедова «объ археологическомъ значеніи оренбургскаго края», постановилъ: учредить въ Оренбургѣ археологическій музей. Для основанія такого музея у насъ имѣются уже коллекціи: орнитологическая, минералогическая, зоологическая и этнографическая.

Въ виду предстоящей намъ работы и въ этой сферѣ, мы, для выясненія себѣ будущей новой для насъ дѣятельности, прослѣдимъ пока въ бѣгломъ обзорѣ труды по созданію подобныхъ музеевъ въ городахъ. Оповѣстивъ всѣхъ интересующихся прошлымъ своего роднаго края, а въ особенности стоящихъ во главѣ духовнаго просвѣщенія народа членовъ православныхъ причтовъ, народныхъ учителей и учительницъ, наконецъ, всѣхъ грамотныхъ людей извѣстнаго раіона, архивныя коммиссіи просили оказать въ новомъ дѣлѣ участіе и посильную помощь.

Общество не замедлило откликнуться на этотъ призывъ, и скоро стали стекаться большими суммами пожертвованія на устройство музеевъ. Много займетъ времени подробное перечисленіе всѣхъ пожертвованій. Скажемъ лишь про выдающіяся. Масса старинныхъ рукописей, мемуаровъ, біографій мѣстныхъ дѣятелей, цѣлые фамильные архивы, писцовыя книги, древніе акты, письма и автографы извѣстныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей; старинная утварь и посуда, монеты стараго чекана, старинные костюмы, оружіе прежнихъ вѣковъ, библіографическія рѣдкости, статуи, древніе кресты, складни, иконы, вѣнцы, произведенія искусства и проч.

Министерство юстиціи, городскія управленія и земства пришли на помощь, ассигнуя время отъ времени необходимыя на содержаніе архивныхъ коммиссій съ историческими при нихъ архивами и музеями суммы. Императорская археологическая коммиссія и другія ученыя общества присылали въ даръ архивнымъ коммиссіямъ рѣдкіе памятники старины; музеи нѣкоторыхъ архивныхъ коммиссій вполнѣ уже процвѣтаютъ, открыты для публики и охотно ею посѣщаются.

Твердо помня свою миссію сохранять для потомства и науки памятники старины, многія архивныя коммиссіи, благодаря просвѣщенному содѣйствію своихъ почетныхъ членовъ—мѣстныхъ преосвященныхъ, чутко относились къ вопросамъ, касающимся ремонта, передѣлокъ и исправленій церквей, а равно и рестав-

раціи древнихъ иконъ, командировали своихъ членовъ на мѣста открытія кладбищъ, пещеръ, склеповъ, построекъ и т. п. остатковъ древней культуры; независимо отъ сего, съ надлежащаго разрѣшенія членами коммиссіи раскапывались могильники, курганы, иногда цѣлые храмы, капища и городища и все находимое въ нихъ, по надлежащемъ описаніи, вносили на храненіе въ музей.

Кромѣ этого, такъ сказать мертваго матеріала, въ этнографическій отдѣлъ музеевъ поступаютъ записки или замѣтки мѣстныхъ старожиловъ, лѣтописи, мемуары, сборники пѣсенъ, загадокъ и пословицъ, относящихся къ прошлому края, очерки быта, преданія и легенды. Изъ пожертвованій книгами и изъ трудовъ другихъ ученыхъ обществъ образуются цѣнныя въ научномъ отношеніи библіотеки, служащія важными пособниками при историческихъ изслѣдованіяхъ.

Въ послѣднее время и въ нашу архивную коммиссію начали наконецъ поступать подобныя пожертвованія. Такимъ образомъ, и мы по немногу начинаемъ исполнять часть задачъ архивной коммиссіи, къ которымъ не приступали нѣсколько лѣтъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ.

Въ то время, когда для помѣщенія калужской архивной коммиссіи отведенъ историческій домъ Марины Мнишекъ, реставрируемый на счетъ казны, въ Новгородѣ—кремлевская башня, а въ другихъ городахъ жертвовались подъ архивныя коммиссіи частными лицами огромные дома,—дѣла нашей архивной коммиссіи переходили съ чердака на чердакъ разныхъ при-

сутственныхъ мѣстъ и, въ концѣ концовъ, по случаю спѣшнаго ремонта антресолей зданія казенной палаты, были свалены безъ всякаго порядка на дворъ; въ то время, когда иныя архивныя коммиссіи получали пожертвованія тысячами рублей, у насъ не имѣлось средствъ нанять ломовиковъ, перевести свой архивъ со двора казенной палаты. Наконецъ, дѣла архива перевезены въ темные и сырые лабазы на городскомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ и покоились нѣсколько лѣтъ въ положеніи, исключавшемъ возможность не только научныхъ работъ, но даже наведенія ничтожной справки.

Но слава Богу, усердіемъ и энергіей просвѣщенныхъ людей, наша архивная коммиссія имѣетъ уже свое помѣщеніе.

Домъ для архивной коммиссіи пріобрѣтенъ отъ оренбургскаго казачьяго войска (на берегу р. Урала, близъ главной гауптвахты) за 1500 р. съ уплатою этой суммы по ровну въ теченіе пяти лѣтъ.

Теперь мы, стало быть, имѣемъ свое помѣщеніе, средства же на содержаніе его, надѣемся, дадутъ добрые люди, а намъ остается только работать.

Но при всемъ этомъ архивная коммиссія не должна держаться исключительно пріемовъ ученаго общества, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ средѣ ея членовъ нѣтъ мѣста кабинетной замкнутости, а желательны товарищеское объединеніе и совмѣстный трудъ.

Не нужно быть спеціально ученымъ, чтобы среди кипучей лихорадочной дѣятельности современной жизни удѣлять нѣсколько часовъ на мирное изученіе род-

ной сторины. «Умъ хорошо, а два лучше» — говоритъ русская пословица. Наука тоже доказываетъ какія чудеса иногда можетъ творить собирательный умъ. Если всѣ мы, какъ члены одной согласной семьи, дружно сплотимся въ общей работѣ, то трудъ отдѣльно каждаго будетъ полнѣе, при помощи и указаніяхъ болѣе свѣдущихъ сочленовъ. Дѣло, нами дѣлаемое, коллективное, кропотливое, мы не должны пренебрегать и кажущимися мелочами; нашъ девизъ не литературный эффектъ, а научная польза, созданіе матеріаловъ для провинціальной русской исторіи.

Въ музеи нѣкоторыхъ коммиссій является усерднымъ вкладчикомъ даже учащаяся молодежь. Разъѣзжаясь на вакатное время въ разныя стороны, молодые люди съ большою охотою собираютъ этнографическій матеріалъ; составляютъ гербаріумы, различныя коллекціи, описываютъ мѣстности съ признаками глубокой старины, и труды свои зачастую въ сыромъ необработанномъ видѣ, подчасъ въ наивномъ изложеніи, несутъ въ мѣстный музей, гдѣ они и хранятся къ немалому ихъ удовольствію уже въ обработанномъ видѣ.

Самый взыскательный педагогъ, по нашему мнѣнію, не можетъ не признать цѣлесообразными такія занятія, которыя, соединяя въ себѣ пріятное съ полезнымъ, развиваютъ научную любознательность, пріучаютъ къ сознательному труду, а главное развиваютъ въ юношѣ любовь къ родинѣ и къ памяти предковъ, которые сами съ благоговѣніемъ относились къ своей старинѣ.

У нашихъ предковъ, конечно, не было еще сознательно-научнаго отношенія къ памятникамъ отечественной старины, но за то выражалась беззавѣтная сыновняя любовь къ памяти праотцевъ.

Чтобы не быть голословнымъ обращусь къ исторіи.

У князя Андрея Боголюбскаго хранился въ опочивальнѣ мечъ св. первомученика русскаго князя Бориса.

При сраженіи подъ Казанью на Курбскомъ была надѣта праотческая броня.

Изъ массы любопытнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, хранившихся въ укладкахъ и сундукахъ царя Ивана Грознаго, осталась одна перечневая опись и въ ней, между прочимъ, упоминается старая грамота Батыя и отъ иныхъ татарскихъ царей, съ отмѣткою: «а переводу имъ нѣту, никто перевести не умѣетъ». Много бы можно было указать и другихъ примѣровъ, но ограничимся пока приведенными.

Если въ такомъ отдаленномъ прошломъ преобладало самое благородное, самое теплое отношеніе къ родной старинѣ, то какже намъ-то, носителямъ высшей культуры, оставаться равнодушными къ памяти нашихъ предковъ, къ ихъ обычаямъ, вѣрованіямъ, обрядамъ, къ укладу ихъ характерной и небезынтересной во многихъ отношеніяхъ жизни.

Пора намъ бросить сѣтованія и жалобы на безсодержательность и пустоту жизни, на отсутствіе высшихъ интересовъ!

Напримѣръ, архивъ и музей только одной нашей архивной коммиссіи и то могутъ дать обильный ма-

теріалъ для труда, могущаго принести дѣйствительную пользу для общества и государства. Широкая-же дѣятельность архивныхъ коммиссій, какъ извѣстно, угодна самому Государю.

Недавно, именно, въ 1894 г. Императорская археологическая коммиссія имѣла счастіе представлять на милостивое воззрѣніе Его Величества цѣлую выставку доставленныхъ со всѣхъ концовъ Имперіи предметовъ древности.

Въ томъ числѣ и отъ Оренбургской губерніи находилась великолѣпная костяная рукоятка съ изображеніемъ дракона съ поджатыми ушами и 6 мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ изъ села Абрамовки, оренбургскаго уѣзда, изъ мѣстности, называемой «Черная гора».

Особенные труды членовъ архивныхъ коммиссій бываютъ также поощряемы вниманіемъ Государя Императора и другихъ августѣйшихъ особъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1892 - 93 гг., по докладу директора археологическаго института, были удостоены всемилостивѣйшаго пожалованія: дѣйствительный членъ многихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій Василій Ивановичъ Холмогоровъ — орденомъ св. Станислава 1 степени, предсѣдатель тамбовской архивн. коммиссіи Ив. Ив. Дубасовъ — чиномъ дѣйств. стат. совѣтника и членъ той-же коммиссіи Петръ Ив. Писаревъ — орденомъ св. Станислава 2-й степени и т. д. Фактъ удостоенія членовъ архивныхъ коммиссій Высочайшими наградами ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что правительству желательны ростъ и процвѣтаніе

ученыхъ архивныхъ коммиссій. Къ сожалѣнію, оренбургская архивная коммиссія поставлена едва ли не въ самыя худшія условія. Самое больное мѣсто въ ея дѣйствіяхъ, — это финансы.

По ограниченности матеріальныхъ средствъ, мы не можемъ пока исполнять всѣхъ функцій предстоящей намъ дѣятельности.

Такіе расходы, какъ содержаніе архивной коммиссіи, командировки членовъ для раскопки кургановъ. пріобрѣтеніе отъ частныхъ лицъ предметовъ древности, вознагражденіе архиваріуса, хранителя музея, правителя дѣлъ, почтовые и другіе расходы требуютъ не малыхъ денежныхъ средствъ. Такихъ средствъ у насъ пока нѣтъ.

Но мы твердо надѣемся, что лица, сочувствующія выясненнымъ выше задачамъ нашего общества, придутъ къ намъ на помощь и посильной жертвой будутъ содѣйствовать ея успѣшной дѣятельности, доведя его до степени процвѣтанія.

Оренбургская Высочайше утвержденная ученая архивная коммиссія, кромѣ того, призываетъ всѣхъ, безъ различія званія, пола, состоянія и народности, послужить и поработать на пользу родного края. Всякія пожертвованія: денежныя, книгами, рукописями, предметами древности, произведеніями искусства и кустарной промышленности, сообщеніями о кладахъ, находкахъ и проч. будутъ приняты съ живѣйшей благодарностью.

Желая отъ души сплоченной, братски-согласной дѣятельности и взаимно-помогающей работы въ изученіи оренбургскаго края, мы еще разъ выражаемъ глубокую надежду на вниманіе, сочувствіе и помощь мѣстнаго городского и всего губернскаго общества, отъ сочувствія котораго много зависитъ успѣхъ нашей дѣятельности.

Чѣмъ глубже и теплѣе будетъ выражаться участіе общества къ нашимъ нуждамъ, тѣмъ легче намъ, не заботясь о матеріальныхъ невзгодахъ, трудясь на пользу нашего края и русской науки, достойнѣйшимъ образомъ исполнить Высочайшую волю въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, Царя-Миротворца, любителя родной исторіи и основателя всѣхъ ученыхъ архивныхъ коммиссій.

Конецъ.

Н. Ивановъ,

дѣйств. членъ оренб. учен. архив. коммисс.

Оренбургъ.—Губернская типографія.

ОТЧЕТЪ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ ЗА 1895-1896 ГГ.

I. *Составъ коммиссіи.*

Въ 1895-96 г. коммиссія состояла изъ непремѣннаго попечителя правленія, одного почетнаго и 60 дѣйствительныхъ членовъ.

Непремѣннымъ попечителемъ состоитъ оренбургскій губернаторъ, генералъ-маіоръ В. И. Ершовъ.

Почетнымъ членомъ состоитъ попечитель оренбургскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ И. Я. Ростовцевъ.

Правленіе составляли: предсѣдатель генералъ-маіоръ П. П. Биркъ, товарищъ предсѣдателя А. В. Соколовъ, правитель дѣлъ И. И. Евфимовскій-Мировицкій, казначей Н. Г. Ивановъ, завѣдующій домомъ архивной коммиссіи А. В. Поповъ.

За отчетное время коммиссія понесла тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося почетнаго члена преосвященнѣйшаго Николая, епископа оренбургскаго и уральскаго.

II. *Дѣятельность коммиссіи.*

Въ 1895 г. оренбургская ученая архивная коммиссія пріобрѣла у оренбургскаго казачьяго войска за 1500 руб., съ уплатою въ теченіе 5 лѣтъ рав-

ными взносами, каменный двухъ-этажный домъ на берегу р. Урала, рядомъ съ водокачкою городского водопровода.

Отремонтировавъ хозяйственнымъ способомъ этотъ домъ, архивная коммиссія перевезла въ него дѣла своего архива, до того хранившіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ холодныхъ и сырыхъ лавкахъ гостинаго двора. Окарауливать зданіе и дѣла нанятъ былъ тогда же сторожъ.

Зиму 1895-96 г. дѣла были еще не въ разобранномъ и непригодномъ для какихъ либо занятій видѣ, но лѣтомъ 1896 г. усиліями нѣсколькихъ безкорыстныхъ тружениковъ, съ предсѣдателемъ коммиссіи во главѣ, архивъ разобранъ по отдѣламъ хронологически и разставленъ въ должномъ порядкѣ по парочно устроеннымъ для того полкамъ въ верхнемъ этажѣ дома архивной коммиссіи.

Послѣ большой, вполнѣ черной работы по разстановкѣ и сортировкѣ дѣлъ, таковыя теперь находятся въ порядкѣ и ожидаютъ только желающихъ принять на себя безмездный трудъ какъ по составленію описей, начало которымъ положено уже лѣтомъ, такъ попутно и по научной разработкѣ богатаго матеріала, заключающагося въ архивѣ коммиссіи.

Задача, выпадающая здѣсь на членовъ коммиссіи, чрезвычайно плодотворна, и тѣ, которые пожелали бы приложить свои силы къ осуществленію ея, несомнѣнно заслужатъ горячую признательность отъ всѣхъ интересующихся судьбами оренбургскаго края.

Параллельно съ разборомъ архива г. предсѣдатель

горячо былъ занятъ образованіемъ при архивѣ мѣстнаго историко-этнографическаго музея.

Всѣ учрежденія губерніи и отдѣльныя интеллигентныя лица были извѣщены чрезъ мѣстныя губернскія вѣдомости и особыми извѣщеніями о возрожденіи оренбургской ученой архивной коммиссіи, о предстоящей ей дѣятельности и объ учрежденіи историко-этнографическаго музея.

Масса любопытныхъ предметовъ древности и естественно-историческихъ коллекцій, благодаря сочувствію общества къ учрежденію, стала поступать вскорѣ въ музей, а съ размѣщеніемъ предметовъ и цѣлыхъ коллекцій въ заказанныхъ уже витринахъ и съ открытіемъ музея для публики пожертвованія, навѣрное, умножатся.

Для жертвователя важна увѣренность, что переданные имъ предметы не погибнутъ отъ случайной неосторожности, чего нельзя было не бояться, сообразаясь съ условіями временнаго помѣщенія музейныхъ предметовъ въ другихъ, неприспособленныхъ для того мѣстахъ.

За отчетный періодъ коммиссія имѣла 12 засѣданій, на которыхъ обсуждались вопросы по окончанію ремонта дома, утверждались отчеты о произведенныхъ расходахъ и разрѣшались текущія дѣла.

Годичное собраніе въ первый разъ публично состоялось при торжественной обстановкѣ, въ залѣ общественнаго собранія 15 декабря 1896 г.

Въ числѣ многихъ гостей посѣтили собраніе: попечитель оренбургскаго учебнаго округа, тайный со-

вѣтникъ И. Я. Ростовцевъ, тургайскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Я. Ѳ. Барабашъ, директора корпусовъ неплюевскаго Ѳ. М. Самоцвѣтъ, 2-го М. Е. Дерюгинъ и др.

На годичномъ собраніи членами Н. Г. Ивановымъ и Н. Н. Ардашевымъ прочитаны были прилагаемые при семъ отчетѣ рефераты.

Кромѣ того, въ залѣ собранія была устроена небольшая выставка болѣе интересныхъ предметовъ музея.

Нѣкоторые изъ выставленныхъ предметовъ (какъ напр. гипсовая маска съ А. С. Пушкина, фарфоровая чашечка послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея, вериги (1 п. 30 ф. вѣсомъ) хлыстовскаго учителя, альбомъ хивинскаго похода 1853 г., пожертвованный графинею Перовскою, патентъ на чинъ полковника, выданный самозванцемъ Пугачевымъ, большая коллекція азіатскихъ монетъ и пр. привлекали особое вниманіе публики.

III. *Средства коммиссіи*

Денежныя средства коммиссіи составляютъ ея больное мѣсто. Дѣятельность ея становится болѣе разнообразною и требуетъ болѣе значительныхъ расходовъ, а между тѣмъ средства коммиссіи таковы, что она не можетъ сводить конца съ концами.

За отчетное время средства коммиссіи выражались въ слѣдующемъ:

ПРИХОДЪ.

Съ 1 іюля 1895 г. по 1-е января 1897 г. . . . . 1670 р. 70 к.*)

РАСХОДЪ.

За отчетное время израсходовано . 1404 р. 46 к.

Остатокъ . . . 266 р. 24 к.

Расходныя статьи распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Выдано члену архивной коммиссіи, инженеру Анохину на ремонтъ дома 450 руб.

Внесено въ депозитъ войскового хозяйственнаго правленія въ уплату части долга за домъ 300 руб.

Уплачено оренбургскому отдѣлу географическаго общества 300 руб.

Сторожу Петяеву въ жалованье 61 руб.

---

*) Въ числѣ этой суммы считаются полученные заимообразно 1000 руб. Дѣла бывшаго генералъ-губернаторства хранились на чердакѣ зданія казенной палаты, а затѣмъ, по случаю капитальнаго ремонта этого зданія, перенесены въ темныя и сырыя лавки гостинаго двора. Желая предупредить начавшееся уже гніеніе дѣлъ и узнавъ, что министерство финансовъ дало согласіе министерству внутреннихъ дѣлъ на отпускъ отъ казны для коммиссіи особыхъ суммъ (въ продолженіе 5 лѣтъ по 300 руб. на уплату за домъ, ежегодно по 350 руб. на ремонтъ и по 350 руб. на содержаніе дома), въ силу необходимости коммиссія заняла у оренбургскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества 1000 руб. какъ на ремонтъ вновь пріобрѣтаемаго дома, такъ и на устройство полокъ для размѣщенія дѣлъ, на плату жалованья сторожу, на покупку освѣщенія и т. п. расходы. Изъ этой же суммы уплачены были первымъ взносомъ оренбургскому казачьему войску за купленный домъ 300 руб.

Остальной долгъ предназначено уплатить частію изъ тѣхъ суммъ, которыя будутъ ежегодно ассигноваться министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а частію изъ членскихъ взносовъ и другихъ денежныхъ пожертвованій.

На разные мелочные предметы и мелкій ремонтъ дома израсходовано 75 руб. 46 коп.

Выдано врачу Попову на содержаніе дома архивной коммиссіи 168 руб.

Изъ этой суммы израсходовано:

съ представленіемъ оправдательныхъ документовъ	149 р. 98 к.
мелочныхъ расходовъ, неоправданныхъ документами	13 р. —
и на рукахъ	5 р. 02 к.
Итого . . .	168 р. —

Г. предсѣдателю архивной коммиссіи выдано на текущіе расходы 50 р., каковыя деньги израсходованы съ представленіемъ оправдательныхъ документовъ.

Всего . . 1404 р. 46 к.

СПИСОКЪ

членовъ ученой архивной коммиссіи.

Непремѣнный попечитель—оренбургскій губернаторъ Владиміръ Ивановичъ Ершовъ.

Почетный членъ—попечитель оренбургскаго учебнаго округа Иванъ Яковлевичъ Ростовцевъ.

Дѣйствительные члены:

Александровскій, Владиміръ Андреевичъ.
Алекторовъ, Александръ Ефимовичъ (Актюбинскъ).
Анохинъ, Николай Евстигнеевичъ.
Ардашевъ, Николай Николаевичъ.
Бекчуринъ, Николай Михайловичъ.
Бекчуринъ, Іосифъ Николаевичъ.
Бельгардъ, Валеріанъ Валеріановичъ.
Биркъ, Павелъ Петровичъ.
Бѣлавинъ, Константинъ Александровичъ.
Быбинъ, Сергѣй Александровичъ.
Васильевъ, Александръ Васильевичъ.
Витевскій, Владиміръ Николаевичъ (Казань).
Водопьяновъ, Виталій Петровичъ.
Голощаповъ, Григорій Андреевичъ.
Григоровъ, Василій Васильевичъ.
Гурвичъ, Николай Александровичъ (Уфа).
Гутьяръ, Николай Михайловичъ.
Дерюгинъ, Михаилъ Евсѣевичъ.
Добросмысловъ, Александръ Ивановичъ.
Еникеевъ, Гайса Хусаиновичъ.

Евфимовскій-Мировицкій, Иванъ Ивановичъ.
Загоскинъ (проф.), Николай Павловичъ (Казань).
Знобишинъ, Дмитрій Валеріановичъ.
Ивановъ, Егоръ Ивановичъ.
Ивановъ, Николай Георгіевичъ.
Израильскій, Николай Петровичъ.
Калачевъ, Кузьма Николаевичъ (Нижне-Озерная).
Катинъ, Николай Яковлевичъ.
Клюмпъ, Николай Антоновичъ.
Кохъ-фонъ, Владиміръ Матвѣевичъ.
Крафтъ, Иванъ Ивановичъ.
Кривковичъ, Митрофанъ Дементьевичъ (Новороссійс.).
Львовъ, Павелъ Ивановичъ.
Майковъ, Петръ Михайловичъ (С.-Петерб.).
Мухаметдіаровъ, Ахметъ-Гирей Асфендіаровичъ.
Невзоровъ, Андрей Андреевичъ.
Нефедовъ, Филиппъ Діомидовичъ (Москва).
Остромецкій, Константинъ Валеріановичъ.
Перовская графиня (С.-Петербур.).
Полворотовъ, Иванъ Васильевичъ.
Поповъ, Александръ Владиміровичъ.
Поповъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
Разсыпнинскій, Иванъ Александровичъ.
Рыбаковъ, Гавріилъ Симоновичъ.
Самоцвѣтъ, Ѳеофилъ Матвѣевичъ.
Севастьяновъ, Сергѣй Никаноровичъ.
Середа, Николай Акимовичъ.
Словохотовъ, Павелъ Семеновичъ.
Соколовскій, Иванъ Николаевичъ.
Соколовъ, Александръ Васильевичъ.

Соколовъ, Дмитрій Николаевичъ.
Соловьевъ, Иванъ Алексѣевичъ.
Сукуренко, Иванъ Михайловичъ.
Умовъ, Павелъ Егоровичъ (Троицкъ).
Филатовъ, Сергѣй Андреевичъ.
Хмелевъ, П. А.
Хрусталевъ, Григорій Семеновичъ.
Черневъ, Александръ Павловичъ.
Черновъ, Василій Павловичъ.
Чеховичъ, Карлъ Андреевичъ
Шильновъ, Алексѣй Калистратовичъ.
Шушкинцевъ, Иванъ Степановичъ.
Юдинъ, Михаилъ Львовичъ.
Юркевичъ, Платонъ Михайловичъ.
Яковлевъ, Михаилъ Григорьевичъ.

Оренбургъ. Губернская типографія.